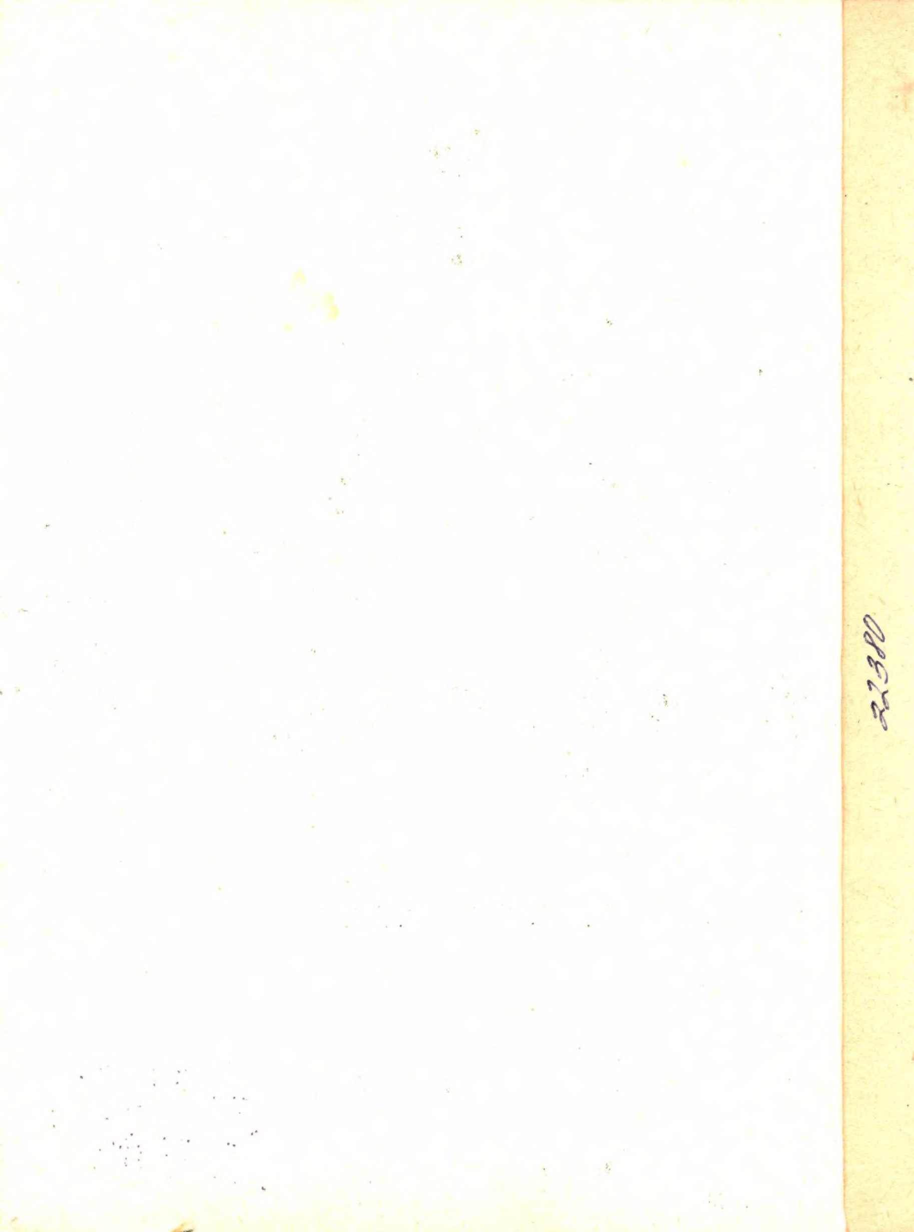

РУСТАМ ИБРАГИМБЕКОВ

ЗАБЫТЫЙ АВГУСТ

22380

РУСТАМ ИБРАГИМБЕКОВ

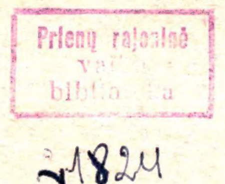
ЗАБЫТЫЙ АВГУСТ

ПОВЕСТИ

МОСКВА. «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ». 1974

Художник Ю. Ребров

И $\frac{70803-036}{078(02)-74}$ 149—74

Николай Атаров

ПОВЕСТИ РУСТАМА ИБРАГИМБЕКОВА

Нравственное начало в образном мышлении, которое мы называем иначе искусством, в шедеврах мастеров иногда проявляется в воинствующей учительности. В произведениях неодаренных оно, это нравственное начало, вырождается в демонстрацию правил поведения. Сколько книг я прочитал за свою долгую читательскую жизнь, где действующие лица романов, повестей, рассказов, мои современники, люди моей судьбы, участвуя в битве жизни, совершая как будто даже высокие и сложные поступки, подвиги чести и совести, внушали мне, читателю, нечто плоское и бедное по мысли, — вроде «не забывай сказать «пожалуйста», «не работай в толпе локтями», «закрывай рот рукой, когда чихаешь» и т. п.

В многочисленных персонажах разных по жанру и тематике произведений молодого азербайджанского писателя Рустама Ибрагимбекова всегда проступает их настоящая человечность, хотя они и не стремятся ее обнаружить.

Эта человечность определяет жизнь и смерть молодого солдата Андрея — в довоенной жизни маляра, «альфрейщика», как уточняет Андрей неоднократно, гордясь своей высокой малярной квалификацией — из повести «Спокойный день».

Мы встречаемся с ним в Западной Белоруссии летним днем 1944 года в догорающей после недавнего боя деревушке, встречаемся всего на несколько часов, которые запоминаются надолго.

Линия фронта передвинулась западнее. Деревня безлюдна. В чудом уцелевшей церквушке ждут санитарную машину два раненых советских солдата. Один из них Андрей. Раненный в ногу, он может передвигаться только с костылем, но это ничуть не влияет на его деятельное, жизнерадостное отношение ко всему окружающему.

Андрей, встретившись после боя с раненым сержантом, берет его под опеку, всячески старается помочь ему, развеселить... Воля случая сталкивает Андрея также с райисполкомовскими работниками, приехавшими за картинами, которые немцы не успели вывезти, и с казашкой Адалат, случайно оказавшейся в райисполкомовской машине. Адалат, уступившая свое место в машине раненому сержанту, стала свидетелем и участником происшедших трагических

событий. Напрасно умоляет Андрея Адалат: «Жалко из-за картин умирать... Таких еще много нарисуют... Не стреляй!»

Но картины для Андрея — воплощение красоты и смысла жизни. Вот почему Андрей вступает в неравный бой, а Адалат, до этого дня так мало ценившая живопись, постигает вдруг назначение искусства.

Повесть «Спокойный день» запоминается надолго, несмотря на ее некоторую описательность и фрагментарность.

Говоря о повестях Рустама Ибрагимбекова, я хочу отметить черту, очень характерную для его дарования. Он хорошо пишет о своих героях потому, что изнутри видит все мотивы их поступков, всю историческую, что ли, подоплеку их нравственного кодекса. И если люди в какой-то момент ведут себя дурно, это еще не значит для писателя, что все они плохи. Люди хороши! Они только бывают слабы, как, например, в повести «Забытый август». Эта повесть Рустама Ибрагимбекова перекликается с двумя его ранними повестями («На 9-й Хребтовой» и «Деловая поездка»), которые переносят нас в мир грубых представлений о чести, взращенных в древних глубинах мусульманского Востока. Там свое понятие о стыде, там узко понятое самолюбие питают гордость и фанатическое упорство. Личная жизнь каждого на виду, и поведение каждого неотвратимо зависит от беспощадной оценки уличной толпы: надо быть «настоящим мужчиной», иначе ты обречен на позор. Только в повести «На 9-й Хребтовой» основные персонажи взрослые мужчины, а в повести «Забытый август» четырнадцати-пятнадцатилетние мальчишки, живущие по соседству, выросшие на одном дворе. Это в общем-то хорошие ребята, с которыми приключилась беда: они попали в руки опытного молодого бандита Пахана. Хорошие, умные, добрые мальчишки из чувства ложного стыда, товарищества стали бесчинствовать. Но во дворе появляется новый жилец — сын полка Костя. И уже не может продолжаться прежняя жизнь ребят из «отряда Пахана». В это веришь, закрывая книгу, хотя сам автор ничего не обещает.

Две новые повести Рустама Ибрагимбекова — свидетельство цельности, целеустремленности таланта писателя, в самой природе творчества которого растворено нравственное начало.

ПОВЕСТЬ

ЗАБЫТЫЙ АВГУСТ

6 августа 1945 года

Сегодня измерил свой рост — один метр пятьдесят четыре сантиметра. За месяц не вырос ни на один сантиметр. У Рафика — один метр пятьдесят восемь сантиметров. А 14 апреля его черточка была рядом с моей... За три года он стал длиннее на восемнадцать сантиметров, я — на тринадцать...

Мама ругала за то, что дверь в спальне вся в наших черточках. Мои — синие, Рафика — красные. Она не знает, что это папа научил меня отмечать рост черточками... По-моему, Рафик жульничает. Я сказал ему, чтобы он держал линейку ровно. Он обиделся и объяснил, что наклон делает из-за моих длинных волос.

Потом побежали к его бабке. Она сидела на стуле у входа в столовую, ждала нас. Мы взяли сетку с продуктами и пошли медленно, чтобы бабка не отставала. В столовой каменный пол, поэтому бабка зимой и летом ходит в валенках. Я спросил у Рафика, почему она так тяжело дышит. Астма или плеврит? Оказывается, просто толстая.

Бабка Рафика и дома ходит в белом халате, поэтому он у нее весь в пятнах. Мы сделали вид, что уходим на улицу, а сами спрятались под кроватью.

Бабка принесла из столовой пельмени и американский яичный порошок... Пельмени разложила на его кровати над ним, порошок — надо мной. Я съел три горсти, еще восемь набрал в кулек. Больше рука не достала.

Хорошо, что бабка глуховата, не услышала, как Рафик шуршал газетой, на которой лежали пельмени. Когда она вышла из комнаты на минутку, он кинул мне несколько штук. Очень вкусные. Жалко, сырые. Рафик шепнул мне, чтобы я поправил газету: бабка глухая, но видит хорошо. В буфете с плохим зрением долго не проработаешь.

Когда мы убегали, она нас не заметила...

Закончил «Два капитана». Очень хорошо все описано, как перед глазами все прошло: и льды, и город Энск, и Москва... Будто сам везде побывал. Интересно, как бы В. Каверин написал про наш пустырь? Он, наверное, написал бы очень хорошо, а я напишу, как умею: «...Двухэтажный каменный дом стоит на краю большого пустыря. Рядом лепится несколько одноэтажных домов. По другую сторону пустыря возвышается высокое неоштукатуренное здание (бывший госпиталь, до войны — школа), в котором сейчас живут демобилизованные военные с семьями. Дальше, за этим зданием, виднеются стена и кирпичные домики военного городка.

Посреди пустыря, завалившись набок, лежит «мессершмитт», сбитый над городом в 1942 году. Рядом кроватными сетками огорожен участок метров двадцать на двадцать. Это танцплощадка. По воскресеньям сюда приходит военный духовой оркестр и играет бальные танцы — падеграс, краковяк и другие. Мальчики танцуют с мальчиками, девочки — с девочками. Только солдаты из военного городка осмеливаются иногда приглашать «дам».

Справа пустырь кончается оврагом. Перед ним стоит пожарная каланча с гаражом, общежитием, административным корпусом и бассейном, наполненным зеленой от старости водой. С весны до осени в этом бассейне

купаются ребята с пустыря, хотя город, в котором они живут, расположен на берегу моря.

Место для пожарной каланчи выбрано удачное, отсюда, с пустыря, просматривается весь город до самой набережной...»

В. Каверин, конечно, лучше бы все описал, не так скучно, но мне же еще четырнадцать с половиной лет...

7 августа

Леню Любарского опять топили. Чуть не утонул. Когда мы с Рафиком принесли свою долю — пельмени и порошок, — все уже сидели в тени деревянной стены с дырками вместо окон и дверей, по которой на тренировках лазили пожарники.

Леня принес бутерброд со смальцем. Он стоял на солнце и плакал. Боялся подойти поближе.

Пахана не было. Место его оставалось незанятым. Рядом сидел Хорек и делал вид, что не видит Леню. Гусик, как всегда, был с гитарой. Остальные ребята полукругом сидели напротив Хорька. Почему-то еду делил сын одноглазого завмага с Телеграфной улицы. На нем был новенький китель с настоящими медными пуговицами, брюки-галифе, хромовые сапоги.

Рафик шепнул мне:

— Почему это он делит? Никакого права не имеет!

Сын завмага стоял на коленях перед газетой, на которой была сложена вся наша провизия, и, прежде чем отделить каждому его долю, смотрел на Хорька, чтобы получить разрешение.

Они выбрали для Пахана и Хорька самую вкусную жратву. Гусику — похуже. Остальное пододвинули нам — на десять человек столько же, сколько на них троих.

— Сыграй чего-нибудь, — сказал Хорек Гусику.

Гусик запел «Молодого жульмана». Это любимая песня Пахана. Леня отошел на несколько шагов, чтобы не мешать пению своим плачем. Когда Гусик кончил петь, Хорек сказал, что сегодня мы примем в нашу команду нового «бойца», и показал на сына завмага. Все посмотрели на него, а потом на широкий офицерский ремень и портупею, которые нацепил на себя Хорек поверх старой майки.

Рафик опять шепнул мне:

— Купился на ремень, а мы все должны терпеть.

Леня продолжал плакать. Мы старались не смотреть на него. Хорек сказал: «Пошли».

Чем ближе мы подходили к бассейну, тем громче плакал Леня. От страха. Но продолжал идти за нами. Другого выхода не было.

Хорек разделся и подал знак сыну завмага. Тот толкнул Леню в воду вместе с бутербродом.

— А вы чего стоите? — спросил нас Хорек. И мы начали топить Леню.

Когда он доплывал к какому-нибудь краю бассейна и пытался выбраться из воды, мы сталкивали его назад. Особенно старался сын завмага, чтобы его приняли в команду.

Леня плавает совсем плохо и почти сразу же начал тонуть, трех минут не прошло. Стенки бассейна покрыты зеленой слизью и очень скользкие. Вылезти из него трудно: надо подтянуться на руках, лечь на живот, а потом уже вытащить ноги.

Мы сталкивали Леню в воду сразу, чтобы он не терял напрасно силы. А Хорек давал ему вылезти до половины и потом только пихал назад. Или наступал ему на пальцы, как только Леня хватался за борт, — не давал передохнуть. Кроме того, он следил, чтобы мы все топили Леню.

Я тоже топил.

— Ну ладно, кончайте, — сказал Хорек, когда Леня, наглотавшись воды, окончательно пошел ко дну.

Мы еле вытащили его. Он лежал на земле синий и разбухший от воды... Потом, когда явился Пахан и мы загорали около бассейна, мимо прошла Неля. Первым ее увидел Гусик. Сообщил Пахану.

Она шла из ворот своего двора через пустырь в сторону города. Издали ей можно дать лет восемнадцать, а она всего на полгода старше меня. Очень выросла за лето. Поправилась. Сшила себе еще одно платье, голубое, в талию, с белой отделкой. Хорошо одевают ее родители. Еще бы! Всю войну люди ремонт в квартирах не делали. Теперь наверстывают. А ее отец — известный в городе маляр...

Пахан натянул брюки и пошел ей наперерез. Что-то сказал и схватил за руку. Она вырвалась и ушла.

Рафик шепнул мне, что у нее кто-то появился. Я не поверил. Он сказал, что она каждый день в это время куда-то уходит. В руке она держала газетный сверток.

Почему я ее так люблю?! Это моя третья любовь. Первый раз я влюбился в первом классе первого сентября (мы сидели на одной парте). Потом в четвертом. Но никого я не любил так сильно, как Нелю, и, наверное, никого больше не полюблю. Очень сильное чувство!

Если бы мне было, как Пахану, семнадцать лет и я был бы таким же сильным и высокого роста, тогда бы, наверное, и она меня полюбила. У него ничего не получается, потому что все знают его как подозрительного типа — по ночам он со своими взрослыми друзьями пьет водку, играет в карты и занимается какими-то темными делишками. И потом, он ни одной книги за свою жизнь не прочитал, и поэтому, наверное, у него очень мало извилин в мозгу. А одной силой разве можно любовь завоевать?!

Пахан вернулся к нам, сплюнул сквозь зубы (красиво он плюется!) и сказал, чтобы Гусик спел «Жульмана».

Гусик запел.

8 августа

Вчера вечером к нам пришла тетя Сима. Вся заплаканная. Мы сидели с Рафиком перед картой и играли в города: кто-нибудь называл город, а другой отыскивал его на карте. Такой карты, как у нас, ни у кого нет — политическая карта мира во всю стену нашего коридора, над сундуком, который мама сама сколотила в прошлом году.

Я искал Аддис-Абебу, когда она пришла. Ничего нам не сказала и сразу прошла в столовую, к маме. Мы с Рафиком переглянулись.

Через минуту в комнате прекратилось жужжание машинки — там дядя Шура стриг папу, — и раздались рыдания тети Симы.

Мама позвала нас в комнату. Когда она сердится, у нее стальной голос. Ее все соседи побаиваются, хотя и говорят, что она очень хороший человек, всем добро делает.

Папа, завернутый в простыню и обсыпанный волосами, сидел у окна на круглом вертящемся стуле от рояля. Дядя Шура постриг его до половины, поэтому он не мог встать. Мама и дядя Шура с машинкой и расческой в руках успокаивали тетю Симу.

— Нет, я больше так не могу! — кричала сквозь слезы тетя Сима. — Он был весь синий, как труп... Что мне делать? Что мне делать? Лейла, вы должны мне помочь. Я вам официально заявляю, как работнику райисполкома. Он молчит... Происходит что-то ужасное. Он молчит, но я чувствую... Что я скажу его отцу, когда он вернется

из армии? Я теряю мальчика... — Дальше она говорить не смогла и только плакала.

Вообще тетя Сима любит пошуметь, но сегодня она была права: Леню действительно еле откачали. Ее жалко. Она бухгалтер, а сейчас работает на тарной базе, сколачивает ящики. Леня говорит, двести ящиков в день. Она, как и мой папа, сильно близорукая. Папа говорит, что это наследственная болезнь. Его отец, мой дед, тоже был близорукий. Неужели и я буду носить очки? Только этого мне не хватало при моем росте!..

— Элик, Рафик, — сердито сказала мама, — в чем дело? Кто топил Леню?

— Не знаю, — сказал я, — я не видел.

— Я у бабушки на работе весь день был, — сказал Рафик. — Откуда я могу знать?

— Не врите! — сказала мама, она сразу чувствует, когда я вру. — Вашего товарища чуть не убили, а вы, вместо того чтобы защитить его, еще нагло врете!

Бедная мама, если бы она знала, что мы сами его топили, нашего Леню, с которым я родился почти в один день, в одном роддоме — он четвертого февраля, вечером, а я пятого утром, — с которым живу в одном дворе и учусь в одном классе. Доброго, безобидного Леню. Если бы она вообще знала, что творится на нашем пустыре с некоторых пор! Если бы она знала!..

— Мы не врем, — сказал я. — Мы ничего не видали.

— Я займусь этим вопросом, Сима, — пообещала тете Симе мама.

— Эльдар! — обиженно сказал папа (он никогда на меня не сердится, только обижается иногда и называет полным именем). — Эльдар! Ты же обещал никогда больше не говорить неправду...

Я промолчал. А что я мог сказать?

9 августа

Юрка сегодня работал в первую смену и пришел домой в шесть часов. Я не согласен с мамой, что он лентяй. Раз он пошел работать и помогает своей семье, это доказывает, что он не лентяй, а просто в школе ему было неинтересно. Поэтому и оставался на второй год. А был бы лентяем, продолжал бы ходить в школу и ничего не делать. Просто он понял, что, кроме него, у матери еще двое малышей — значит, надо перейти в вечернюю школу и начать работать. И все к нему из-за этого с уважением стали относиться. Как-никак работяга, хоть и лет мало. Даже Пахан его не обижает. А Хорек и не пытается, чтобы Юрка, как и мы, им жратву носил, сразу понял, что Пахан не поддержит его против Юрки. Поэтому Юрка не в компании, а живет сам по себе. А с нами водится, когда время есть свободное.

Мы с Рафиком ждали Юрку на скамейке под абрикосовым деревом. Рафик ворчал. Он очень недоволен Хорьком и несправедливостями, которые приходится от него терпеть. Я сказал, что хорошо бы помочь Лене, жалко его, он же слабый.

— А что придумаешь? — спросил Рафик. — Сами пострадать можем.

Я сказал, что надо попробовать поговорить с Хорьком, хотя надежды мало, он только этого и ждет. Скажет Пахану, что мы против него идем.

— Знаешь, — сказал Рафик, — я давно думаю, может, выдать их? Давай расскажем обо всем твоей маме, она живо с ними расправится — и с Хорьком, и с Паханом.

Это было бы здорово, но выдавать нельзя — предательство получится. Рафик согласился со мной, и мы решили поговорить с Гусиком. Все же Пахан любит, как он поет, может, что-нибудь и получится.

Пришел Юрка с работы и сказал, что завтра у Нели намечается какая-то танцулька, он своими ушами слышал, как Неля говорила об этом своему отцу.

Что-то зачастили у нее эти танцульки. Может, и правда, у нее кто-нибудь появился?

10 августа

На Нелькиных танцах было одиннадцать человек: шесть парней, пять девочек. Мы все видели с крыши дома напротив.

Они танцевали в большой комнате. Снаружи она казалась красной из-за матерчатого абажура. Окно было открыто, и даже через улицу мы слышали музыку, смех, крики. Слова разобрать было невозможно. Пластинки у нее хорошие: «Рио-Рита», «Дождь идет», «Тайна»... Она всегда их крутит. Парни взрослые. Не меньше десятого класса. Раза два выходили на улицу покурить. Жалко, темно было. Через улицу лиц не разглядишь.

Гусик сидел между мной и Рафиком. Он предложил тем парням врезать. Я подумал, что это неплохо было бы, но потом пожалел ее. Тогда чем же я отличаюсь от Пахана? Силой любовь не завоюешь...

— Надо рассказать Пахану, — сказал Гусик, — все же это его баба.

— Откуда же она его? — возразил я. — Она с ним разговаривать не хочет.

— Захочет рано или поздно, — сказал Гусик. — Ну давайте вашего Леньку, только побыстрее.

Леня ждал нашего сигнала на другом конце крыши. Рафик свистнул ему. Гусик сказал, что он против Лени ничего не имеет, но, раз мы его топим, значит, в чем-то виноват.

Подошел Леня. Стал от нас метрах в двух. Гусик испугался, что его увидят снизу, с улицы, и сказал, что-

бы он сел. Но Леня сесть не решился, он пригнулся и так стоял до конца на полусогнутых ногах. Он весь дрожал от волнения. Гусик спросил, за что его топят. Леня поклялся, что никого не продавал, и заплакал. Потом он начал объяснять. Слова выскакивали у него изо рта без очереди и сталкивались друг с другом. Оказывается, он сказал Хорьку, что в яхт-клубе записывают на греблю и на парус. И можно кататься целый день. А потом будут соревнования. Он своими глазами видел, что такие же, как мы, ребята катаются на настоящих парусниках. Там всех записывают. Он сказал Хорьку, что хорошо бы и нам записаться.

— А что тебе ответил Хорек? — спросил Гусик.

— Что я предатель.

Гусик пытался понять, что предательского сделал Леня, но не мог.

— Видишь, — сказал я ему, — никого он не продал и даже договорился там. Нас всех запишут.

— Я же не для себя, — сказал Леня сквозь слезы. — Я же плавать не могу, я для ребят...

— Я понимаю, — сказал Гусик.

— Я теперь вообще воды боюсь... Мне эти лодки не нужны.

Тут на крышу поднялся Юрка. Гусик сразу встал на ноги (не хотелось ему при лишнем свидетеле продолжать этот разговор) и обещал поговорить с Паханом. Я проводил его до столба, по которому мы спускались и поднимались на крышу, и еще раз попросил за Леню. Гусик сказал, что ему и самому жалко Леню, но, раз Хорек за него взялся, вряд ли что-нибудь получится... Он перелез с крыши на столб и съехал по нему вниз.

Когда я вернулся к Рафику с Юркой, Лени уже не было.

Я спросил Рафика, чего он молчал, мог же хоть

что-нибудь сказать. Он ничего мне не ответил. Юрка наблюдал за тем, как танцевали в окне.

— Тебе тоже надо научиться танцевать, — сказал он мне.

Юрка единственный среди нас может танцевать и «западные» и бальные танцы. Правда, он никогда не танцует с девочками.

С крыши было трудно найти Нелю среди танцующих, но мне казалось, что я ее вижу.

Юрка сказал, что женщины любят решительных мужчин, а я пассивничаю. Так у меня ничего не получится, потому что победа мужчины зависит от его активности...

Юрка считается у нас специалистом по женскому вопросу: он читал много книг на эту тему. Я спросил, что бы он сделал на моем месте.

— Ха! — сказал Юрка. — Есть тысячи способов. Но вначале ты должен сделать ей признание. Устное или письменное. Надо, чтобы она узнала о твоем чувстве. Потом следует подождать, чтобы это зерно проросло у ней в душе, и начать решительные действия.

Я сказал, что лучше письменное. По Юркиному мнению, это дело вкуса. Сам он предпочитает устные признания: мимика, жесты, тембр голоса — все это может оказать решающее влияние на чувство женщины. Женщины придают этим факторам большое значение.

— Какая у меня мимика! — махнул я рукой. — Лучше письменно.

— Ну ладно, — согласился Юрка, — но надо действовать, нельзя упускать инициативу из рук.

Там, внизу, кончился фокстрот, пары поменялись, и заиграли танго «Дождь идет». Когда совсем стемнело, они закрыли ставни...

11 августа

Все утро втроем писали у нас дома письмо (Юрка работал во вторую смену). Торопились успеть к тому времени, когда Неля (как утверждает Рафик) уходит куда-то по своим делам. Наклеили на обратную сторону цветной открытки, которую прислал из Германии Юркин отец, белую бумагу, чтобы не видно было слов. Рафик встал у окна, чтобы она не прошла, я сел писать, Юрка диктовал. Он начал так: «Любовь моя, вот уже несколько месяцев я тоскую по тебе...» Я спросил, не лучше ли на «вы», но Юрка был категорически против. «Надо подавить ее волю уверенностью в себе, — сказал он. — «Любовь моя, вот уже несколько месяцев я тоскую по тебе», — повторил он, закатив глаза. — Да! Это то, что нужно, — сочетание нежности и страсти...»

Он подошел к зеркалу, продолжая диктовать мне, и принялся рассматривать свое лицо. Он очень прыщавый и сильно переживает из-за этого.

— «Мое чувство растет и крепнет изо дня в день, в груди моей бушует пламя, способное согреть самое холодное сердце. Если ты хочешь, чтобы рядом с тобой по жизни шагал верный спутник, обладающий пылкой душой, холодным рассудком и крепкой рукой, скажи «да». Я буду ждать ответа в воскресенье в три часа дня у каланчи».

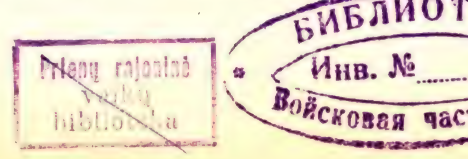
Я записал все, как он сказал.

Рафик посоветовал не подписываться своим именем: не дай бог письмо попадет в руки Пахана.

Юрка согласился, что своим именем подписываться необязательно, но нужен хороший псевдоним.

— Напиши «доброжелатель», — предложил Рафик. — Мой дядька всегда так подписывается.

— Твой дядька анонимщик! — сказал ему Юрка. — А это любовное послание... Вообще не нужно подписываться. Ты же сам отдашь письмо из рук в руки, мож-

но и без подписи. Подойдешь к ней, посмотришь прямо в глаза глубоким взглядом, вот так, — Юрка вытаращил на меня глаза, — и скажешь: «Это от меня».

Я переписал письмо, и мы пошли на улицу.

Она вышла в половине второго. Я стоял недалеко от ее ворот. Юрка и Рафик прятались за каланчой. На пустыре никого не было. Я поздоровался с ней, когда она вышла из ворот. Она удивилась — из-за Пахана у нас на пустыре мало кто с ней здоровался — и пошла дальше. Я смотрел ей вслед... Юрка из-за каланчи делал мне знаки, чтобы я догнал ее и отдал письмо. Но я не решился.

Ребята подошли ко мне. Юрка сказал, что я трус и никогда не буду иметь успеха у женщин. Он потребовал, чтобы я, пока не поздно, догнал ее.

После этого он ушел: ему пора было на работу.

— Побежали? — спросил я у Рафика.

— Слушай, — сказал он, — зачем она тебе нужна? Что, мало других девчонок? Ведь если Пахан узнает...

Я побежал. Он побежал за мной. Неля села в трамвай. Мы тоже, но в другой вагон. Она сошла у Приморского бульвара. Рафик подталкивал меня, чтобы я отдал письмо, я даже несколько раз подходил к ней совсем близко, но так и не решился.

На бульваре ее ждала подруга. Они сели в тени и вытащили какие-то книжки. Рафик догадался, что у нее переэкзаменовка. Вот куда она каждый день ходит!

Мы следили за девочками из-за кустов. Почитав немного, они пошли попить воды. Книжки остались на скамейке. Я выскочил из кустов, положил письмо на книжку — это был учебник геометрии — и припустился по бульвару...

Рафик еле догнал меня у парашютной вышки.

— Ты что, с ума сошел? — спросил он, тяжело переводя дыхание. — Куда помчался?

Я был очень возбужден от случившегося. Не мог говорить. Шумно дышал и потел.

Потом мы долго смотрели на парусники, о которых рассказывал нам Леня. Их было штук десять, все с белыми парусами. Легкий ветер гнал их по бухте, и такие же, как мы, ребята управляли ими. Это было очень красиво. У пристани какой-то толстый мальчик барахтался в воде. На нем был пробковый пояс, и его тянули на веревке... Учили плавать...

12 августа

Сегодня воскресенье. На нашей танцплощадке были танцы. Народу собралось немного: три солдата из военгородка, нас с пустыря человек двадцать и еще человек пятьдесят пришлых. В основном все ребята, девочек было всего восемь.

Оркестр играл с большими перерывами. Мы грызли семечки. Пар десять танцевало — мальчики с мальчиками, девочки с девочками. Мы стояли так, чтобы Пахану было видно, что творится на танцплощадке. Он сидел в углу на табуретке, которую принес из пещеры Хорек. Ждал Соньку. Он послал ее к Неле пригласить на танцы.

Я с нетерпением ждал, когда наступит три часа. Рафик по моей просьбе то и дело спрашивал время у белобрысого солдата: часы были только у него.

Сонька пришла с отказом. Скорчив презрительную гримасу, передразнила Нелю: «Я на танцы не хожу». Это повторялось каждое воскресенье: Пахан посылал Соньку за Нелей, та возвращалась ни с чем.

Оркестр заиграл падеспань. Рафик еще раз спросил время. Было без пяти три. Я побежал к каланче... Она

не пришла. Я ждал ее минут двадцать, потом вернулся на танцы. Играли польку. Солдат с часами приглашал всех девочек подряд, но они отказывались. Наконец одна пришлая пошла. Они танцевали в третьей паре. Девочка была симпатичная, светловолосая, с толстенькими ножками и красная от волнения. Все смотрели на них.

Хорек сказал нам, чтобы после танцев не расходились: есть разговор. Сонька попросила, чтобы кто-нибудь ее пригласил. Но желающих не нашлось. Во-первых, она страшна, как смерть, во-вторых, стесняемся. Из нас мало кто танцует, да и то друг с другом, вроде в шутку...

— Вот почему она на танцы не ходит, — сказал вдруг Пахан.

Все посмотрели в сторону Нелиного дома. Там вслед за Нелей из ворот вышли два парнишки, кажется, те, что танцевали у нее позавчера.

Она не пришла к каланче из-за того, что у нее были гости! Я считаю, что это уважительная причина. Не могла же она бросить гостей из-за записки от неизвестного.

— К ней что, уже на дом ходят? — спросил Пахан у Хорька.

— Первый раз вижу.

Гости вместе с Нелей пошли через пустырь. Пахан встал со своей табуретки...

Мы встретили их посреди пустыря. Им было лет по шестнадцати, но десять против двух — это всегда сила. Кроме того, мы были вооружены палками. А кое-кто и цепками от велосипеда, на крайний случай. До цепок дело не дошло.

Как всегда, первый удар нанес Пахан. Парень сделал несколько шагов назад, протянул руку, будто что-то хотел сказать нам, потом медленно повалился на спину. У Пахана удар был что надо.

— Он упал, — удивленно сказал Хорек. — Бедный мальчик, он упал.

Второго пока не били. Эту тактику придумал Хорек. Действует безотказно. Если надо побить троих, то мы все нападаем на одного. Тогда двое оставшихся не дерутся, а только разнимают. Потом приходит и их черед, и тогда им тоже приходится драться, но уже бывает поздно — силы оказываются раздробленными.

— Бедный мальчик, — повторил Хорек и, оторвав от земли упавшего, дал ему еще раз по голове.

— За что, ребята? — растерянно спросил второй парнишка. — Что он сделал?

«Он»!.. Так я и знал! Парнишка сказал «он», а не «мы». Будто не знает, что если они в чем-то виноваты перед нами, то только вдвоем. Ведь они вместе были у Нели, вдвоем, а он делает вид, будто не имеет к своему товарищу отношения. Ну почему люди так наивны?!

— А ну-ка объясните ему, — сказал нам Пахан.

И мы набросились на второго Нелиного гостя с палками. Он с криками помчался по пустырю.

Неля плакала. Она сразу же отошла в сторону и, плача, смотрела, как мы их бьем.

Когда первый пришел в себя, его тоже несколько раз стукнули палкой. Мы бы еще его били, но кто-то крикнул: «Атас!», — потому что прямо на нас ехал «студебеккер», в котором сидело несколько солдат. На всякий случай мы разбежались, но машина проехала дальше и остановилась у дома военных. Мы сразу догадались, в чем дело. Освободилась комната на первом этаже: тетя Феша Меняева получила письмо из Таганрога, что муж ее нашелся и ждет их там. Как раз когда приехал «студебеккер», они кончили грузить свои вещи на телегу и две ее дочки, Тося и Таня, сидели на узлах спиной к усатому вознице. Тетя Феша по списку сдавала управдому «кэчевскую» мебель. Вокруг было

много соседей, потому что на танцплощадке натянули уже белую простыню и скоро должен был начаться киносеанс. Все, отложив в сторону стулья, вытирали слезы и обнимались на прощание с тетей Фешей.

Солдаты со «студебеккера» подошли к управдому. Тут только мы заметили среди них парнишку лет пятнадцати с медалью «За отвагу», комсомольским значком и солдатскими погонами.

Солдаты что-то кричали управдому, помогли парнишке занести в освободившуюся комнату чемодан, вещмешок, большую картонную коробку, перевязанную веревкой, и сели снова в машину. Она ненадолго остановилась у ворот воинской части, потом уехала.

Парнишка в военной форме, управдом и дворничиха Чимназ вошли в комнату.

Оказывается, комнату тети Феши отдали сыну полка. Настоящему сыну полка!

13 августа

Сегодня утром, как проснулись, мы все прибежали посмотреть, что он будет делать. Но дома его не оказалось. Чимназ сказала, что сын полка с самого раннего утра пошел в часть.

Часовой у ворот части подтвердил ее слова. Я сказал, что надо подождать его. Хорьку это не понравилось, он хотел что-то возразить мне, но увидел Пахана, который шел в нашу сторону, и поспешил ему навстречу. Они остановились невдалеке, о чем-то посовещались и позвали нас.

Хорек объявил, что сегодня предстоит дело, надо проучить Нелькину мать. Если бы не она, Нелька так не задавалась бы. Нужны пять добровольцев — устроить ей пугание.

Человек десять сразу же подняли руки. Пугание —

веселое дело. Хорек осуждающе посмотрел на меня, Рафика и еще трех ребят, которые не хотели пугать Нелькину семью, и спросил нас, почему мы идем против решения командира. Рафик заволновался и объяснил, что мы его выполним.

— А вам уже и руку лень поднять? — усмехнулся Хорек.

Он напомнил те времена, когда любой мог побить нас на танцплощадке. А теперь кто может нас тронуть? Никто. А благодаря кому? Благодаря нашему командиру. Тут Хорек посмотрел на Пахана, тот важно кивнул головой. Да, командир у любого отобьет охоту нас обижать. Наша команда контролирует теперь танцплощадку, Телеграфную и пол-Саттаровской. И мы не должны забывать, что дали клятву выполнять приказы командира и не нарушать устав.

Тут все заволновались: ничего, мол, они не нарушают и все выполняют. Хорек посмотрел на меня и предупредил, что дисциплину он никому нарушать не позволит и будет наказывать каждого, кто пойдет против большинства. Тут он опять повернулся к Пахану, тот еще раз кивнул головой и обвел нас угрюмым взглядом.

Я взглянул на Гусика, он развел руками: мол, ничем теперь Лене не поможешь.

От имени командира Хорек похвалил ребят с соседней улицы: Расима, Вовку, Акифа и Качана, которые от радости, что их приняли в нашу компанию, везде лезли добровольцами и выполняли любые приказы.

Хорек еще долго говорил. А в конце приказал мне и Рафику пойти добровольцами на пугание...

Потом мы говорили о сыне полка. Рафик сказал, что он разведчик. Мне тоже почему-то захотелось, чтобы сын полка оказался именно разведчиком. Я сказал, что он, наверное, хороший разведчик, раз медаль имеет.

Такому линию фронта перейти — ерунда. Переоденется в гражданское и пойдет мимо немцев днем. Никто его не остановит. А взрослый боец только ночью ползком пройти может. И то трудно, потому что ракетами все освещается.

— Зато он «языка» не может взять, — сказал Хорек. — Сил маловато.

— Смотря какой «язык». Если маленький, хватит.

— У немцев сыновей полка не бывает. У них все взрослые.

— Среди взрослых тоже бывают маленькие.

Тут Качан спросил, почему у немцев не бывает сыновей полка, а у нас они бывают, и я объяснил ему, что для нас война потому и называется Великая Отечественная, что весь народ воюет: и взрослые, и дети, и старики, а для них она захватническая, у них одни солдаты воюют.

Все немного помолчали, а потом Хорек заявил, что сын полка никакой не разведчик; управдом сказал, что он простой связист.

— Связист — это тоже опасно, — сказал Рафик, — я в кино видел.

— На фронте все опасно, — поддержал я его. — И медаль там просто так не дают.

Хорек промолчал...

Мы ждали сына полка долго. Когда он вышел из ворот, Пахан демонстрировал нам свою силу. Четыре человека тащили к нему большой камень, а он кидал его двумя руками все дальше.

Мы не сразу заметили сына полка и поэтому даже растерялись. Он прошел мимо нас, держа в руках ведро с краской и короткую кисть. Все посмотрели на Пахана, ждали, что он заговорит с ним. Но Пахан почему-то молчал, тоже растерялся, наверное. Первый раз я видел, чтобы Пахан потерял уверенность в себе. Ко-

нечно, он старался не показать вида, но я сразу подметил это.

Потом он почему-то поднял с земли свой камень и окликнул наконец сына полка. Сын полка обернулся. Пахан держал над головой камень. Руки его дрожали от напряжения, и вздулись мышцы — камень все-таки был очень тяжелый.

— Смотри, — сказал Пахан и, с шумом выдохнув воздух, швырнул камень очень далеко.

Все ахнули. Камень упал на дорогу, недалеко от сына полка.

— А теперь давай ты, — сказал ему Пахан и вытер пот со лба.

Все ждали, что ответит сын полка. Я так не хотел, чтобы он согласился!

— А потом что? — спросил сын полка.

Пахан опять растерялся.

— Ничего.

— Ну тогда в следующий раз.

Сын полка улыбнулся и пошел к дому. Все посмотрели на Пахана. Тот — на Хорька. Но и Хорек не знал, что подсказать. Пахан разозлился и поступил совсем глупо.

Он обозвал сына полка маляром! Качан и еще кое-кто из наших хихикнули. Остальным стало стыдно. Сын полка не обернулся.

— Тоже мне герой, — проворчал Пахан. — Видали таких. В Саратове их навалом... А вы чего стоите?! — крикнул он на нас. — Тащите камень!

И как начал его швырять!..

Пугание состоялось поздно вечером и кончилось для меня очень неожиданно.

Сперва мы стучались к ним в окна и прятались, потом кричали женскими голосами: «Режут!», «Убивают!» и т. д. И только после этого приступили к главному

пуганию. Каждый притащил с собой из дома по простыне. Расим — Хорек назначил его старшим — разбил нас на пары. Я попал не с Рафиком, а с Качаном. За лето голова у него выросла еще больше и еле держалась на тонкой шее.

Пока не было сигнала к началу, мы сидели с ним в подъезде Рафикова дома.

— Ну что, похвалили тебя сегодня? — спросил я его от нечего делать.

— Да, — просиял он.

— И ты рад?

— А чего? — насторожился он, почувствовав в моем вопросе подвох.

— А ничего, — сказал я. — Радоваться-то нечему. Ты хоть понимаешь, за что тебя хвалят?

— А почему? — обиделся он. — Я приказы выполняю.

— Разные приказы бывают...

— Это я не знаю. Мне что говорят, то я и делаю. На то и дисциплина.

Тогда я сказал, что и дисциплины бывают разные. Качан понял, что я затеял разговор, за который может не поздоровиться, и испугался. Я спросил, читал ли он «Тимура и его команду». Он не читал, только кино видел.

— Помнишь, там два отряда было? Один, которым Тимур командовал, а другим — Мишка Квакин. Помнишь?

— Ну помню...

— Так вот, если помнишь, то должен был понять, что тимуровский отряд людям пользу приносил, а отряд Мишки Квакина, наоборот, был бандой хулиганов. Понял?

— Чего ты хочешь от меня? — разозлился вдруг Качан. — «Помнишь, не помнишь», — передразнил он. —

Что ты экзамен мне устраиваешь? Что хочу, то и помню. Отстань от меня! А то расскажу все Хорьку, и плохо тебе будет.

Это он сказал правду. Действительно, если он меня выдаст, мне туго придется. Я усмехнулся:

— Ты же не знаешь, что я хотел сказать. Ты сперва дослушай, а потом делай выводы. Может, ты меня наоборот понял?

Качан немного успокоился, хотел что-то сказать, но тут раздался сигнал атаки — свист Расима, — и мы побежали к Нелькиному дому, на ходу накидывая на себя простыни...

Дверь открыла ее мама. Мы ринулись вперед, как только она повернула ключ, и ворвались в квартиру. Все были закутаны в простыни и орали как резаные. Кто-то даже в комнату заскочил, остальные носились по маленькому, тесному коридору. Только я не бегал.

Неля была в комнате одна. Я ее не видел, но Рафик сказал потом, что она очень испугалась и плакала. Тете Аиде, ее маме, стало плохо. После этого мы убежали.

И тут случилось то, чего никто из нас не ожидал. Когда мы подбежали к воротам, навстречу нам во двор вошел дядя Христофор — отец Нели. В подворотне было темно, поэтому он не понял, кто мы такие, и остановился. Мы тоже. Назад бежать не было смысла: во дворе рано или поздно нас поймали бы.

— Что такое? — спросил дядя Христофор и попятился в сторону улицы: наши белые простыни напугали его. Стало ясно, что он боится нас больше, чем мы его, и все бросились вперед. Он выронил из рук какие-то бутылки и, зацепившись ногой за перекладину ворот, упал. Ребятам пришлось перепрыгивать через него: он загораживал проход. Кто-то впопыхах даже отдавил ему руку — он громко вскрикнул.

Все убежали, остался я один. Не мог же я перешагнуть через ее отца!

Он продолжал лежать. Я вдруг подумал, что он ударился головой, когда падал, и испугался.

— Дядя Христофор, — попросил я его, — встаньте, не надо лежать.

Он был весь мокрый от какой-то жидкости, которая вылилась из разбитых бутылок. Когда я попытался поднять его, он узнал меня.

— Вы что, с ума сошли? — спросил он сердито, все еще лежа на спине. Потом, охая и кряхтя, поднялся и дал мне по шее. — Нашли время играть.

Он еще не знал, что мы напугали его семью. Пора было смываться. Но он ведь все равно узнал меня, и что-то еще удерживало меня рядом с ним.

— Олиф разлился, — сказал он огорченно, разглядывая осколки бутылок, лужу на земле и свой костюм...

Послышались крики тети Аиды, и тут дядя Христофор обратил внимание на то, что двери его квартиры распахнуты. Как раз в этот момент тетя Аида выбежала во двор с криками: «Хулиганы, головорезы!» — ринулась на меня и схватила за шиворот. Я рванулся, но было поздно. Следом за ней выбежала Неля. Дядя Христофор держал меня за плечо.

На крики прибежали соседи. Среди них я увидел Юркину мать.

Меня вытащили на светлое место. Раздались удивленные возгласы.

— Возмутительно! — сказала тетя Аида. — Сын интеллигентных родителей! Надо сообщить в милицию. За такое хулиганство сажают... Бандитизм какой-то! Хорошо, что Христофор поймал его...

— А еще мать в райисполкоме работает!.. — сказал кто-то.

Больше всего я боялся, что они поведут меня к нам домой.

— Олиф разбили, — сказал дядя Христофор. — Три бутылки.

Тетя Аида вскрикнула и всплеснула руками.

— В каком ты виде! — опять закричала она. — Что они с тобой сделали?! Ты весь в пятнах!

— Я споткнулся, — смущенно объяснил я.

И тут произошла страшная вещь: я заплакал. Никогда не прощу себе этого. Позор! Представляю, как я выглядел: жалкий, плачущий мальчишка, которого держат за шиворот, как воришку.

— Отпусти его, — сказала тетя Аида мужу.

Они думали, наверное, что я испугался, а я плакал от обиды. Зачем я согласился пугать их? Зачем не убежал вместе со всеми? Зачем плачу сейчас? И больше всего обидно было потому, что я плачу у всех на глазах, но остановиться не могу...

Они привели меня к себе. Я умылся под краном. Неля дала мне полотенце. Я старался не смотреть на нее. Наверное, пока я умывался, дядя Христофор рассказал им, что не он меня поймал, а я сам не захотел убежать, я вдруг почувствовал, что они начали ко мне лучше относиться. От этого мне стало еще противнее, и единственным моим желанием было уйти от них поскорее, но они меня не отпустили.

— Ну как тебе не стыдно? — сказала тетя Аида. — Ты же хороший мальчик, у тебя такие интеллигентные родители. Разве эти хулиганы тебе товарищи?

Я почувствовал, что могу снова расплакаться.

— Это не он виноват, — сказал дядя Христофор, он сидел за кухонным столом, — друзья у него плохие. Ничего, завтра я поговорю с их отцами. Всех найду.

— Я не назову ни одного имени, — сказал я решительно, и это помогло мне пересилить слезы.

— Не назовешь — не надо, — сказал дядя Христофор. — Ты дашь мне что-нибудь поесть? — спросил он у жены.

— Дай папе поужинать, — сказала тетя Аида Неле.

— Я сам возьму, — сказал дядя Христофор. — Сиди, сиди, дочка. То, что ты товарищей не выдаешь, это хорошо, — сказал он мне. — Но лучше с такими товарищами не водиться.

— У тебя же хорошая голова, — сказала тетя Аида. — Ты же отличник...

Откуда она знает, какая у меня голова?

— Я не отличник, — возразил я.

— Как не отличник? Все говорят, что ты лучше всех знаешь математику.

— По математике у меня пятерка, — согласился я, — но по другим предметам есть четверки.

— Другие предметы — это ерунда, — сказала тетя Аида. — Главное — это математика... А нашей Неле математика трудно дается...

— Мама, опять начинаешь? — спросила Неля.

— Доченька, почему ты волнуешься? Я разве что-нибудь плохое говорю? Я же знаю, что можно сказать, а что нельзя. Просто уже мало дней осталось...

— Мама! — Она боялась, что мать проговорится мне про переэкзаменовку.

— Не кричи! — рассердилась тетя Аида. — Я совсем про другое говорю. Я хочу сказать, что тебе надо как следует подготовиться к новому учебному году. Восьмой класс — это не шутка...

Неля успокоилась. Но я-то знал, что у нее переэкзаменовка по геометрии.

— Особенно геометрию, — продолжала тетя Аида. — Ты должна всю ее повторить с начала до конца, как будто на экзамен идешь. Это обязательно. Вот как раз

Элик тебе и поможет. Ты поможешь Неле? — спросила тетя Аида у меня.

Тут я в первый раз посмотрел на Нелю. Она ждала моего ответа, и я увидел, что она ничего не имеет против того, чтобы я позанимался с ней.

— Если Неля согласна... — сказал я, запинаясь, и умолк, потому что голос у меня вдруг пропал.

— Почему она не согласна?! Она согласна! Ты же согласна, дочка? — Тетя Аида сделала круглые глаза Неле.

— Я могу в любое время, — сказал я тете Аиде. — Я сейчас совершенно свободен.

Она молчала.

— Лучше с утра, — решила за нее тетя Аида. — Приходи в одиннадцать часов.

— Нет худа без добра, — сказал дядя Христофор.

Я попрощался и пошел к двери. Натолкнулся на стул. Неля закрыла за мной дверь и улыбнулась, когда сказала «до свидания»...

14 августа

Утром я проснулся от звуков горна в воинской части. Играли побудку. Так рано я давно не вставал. Подошел к окну и увидел, как через пустырь к воротам части бежит сын полка, на ходу застегивая ремень. Неужели он продолжает служить в армии? Тогда почему живет на квартире?

На краю пустыря, там, где начинался овраг, я увидел небольшую толпу. Оказывается, ночью на нашем пустыре оглушили милиционера. Ударили по голове молотком или чем-то другим тяжелым и вытащили из кобуры револьвер. Когда я прибежал к оврагу, его уже увезли, но на месте происшествия еще толпились люди. Тетя Сима, мать Лени, первая увидела его рано утром,

по дороге на работу. Об этом сообщил мне дядя Шура, который был в курсе дела.

— Милиционер сам ее позвал, — он торопливо рассказал мне все, что знал. — Она шла на работу, слышит, кто-то зовет ее: «Гражданка, гражданка» — и стонет. Вот здесь он лежал, прямо на этом месте. Она подумала, что ему плохо стало, а он говорит: «Нет, гражданка, меня ударили по голове сзади». И действительно, на голове вот такая шишка. — Дядя Шура соединил две свои ладони. — Почти вся голова опухла. «И револьвер мой украли, прошу вас, сообщите в милицию». Приехали за ним и забрали... Это кто-то из наших хулиганов его стукнул, — понизив голос, оглянулся дядя Шура. — Он им не давал в карты играть в овраге. А заодно и револьвер стянули...

Появился Рафик. Я рассказал ему все как было.

— Идем на свалку, — предложил Рафик. — Там не то что револьвер — гранату можно найти. Прошлый раз ребята несколько «лимонок» принесли...

— Сегодня не могу, — сказал я. — В одиннадцать часов у меня важное дело. Хорьку скажешь, что меня мать к бабушке послала.

Ровно в одиннадцать я пришел к Неле. На столе уже лежали «Геометрия», экзаменационные билеты и тетрадка в клетку. Неля была одета в широкий, длинный, до полу халат своей матери.

— Ты пока посмотри первый билет, — сказала она, — а я сейчас приду.

Я не стал смотреть билет и, пока она что-то делала в передней (причесывалась, кажется), осмотрел комнату. Над круглым столом с бархатной скатертью низко висел красный матерчатый абажур (поэтому с крыши комната казалась нам красной). Между шифоньером и буфетом висела занавеска, за которой были видны две кровати. На стене я увидел фотографии Нели, ее отца

и матери, а на круглом столе у окна стояла в рамке еще одна фотография, на ней черноволосая молодая женщина с большими глазами мечтательно смотрела куда-то вдаль.

Я взял фотографию в руки.

— Нравится? — спросила Неля, войдя в комнату. Она поменяла прическу.

— Да... красивая.

— Это моя тетя... В Москве живет.

— Сколько ей лет?

— Здесь девятнадцать, — показала на портрет Неля, — а вообще двадцать семь. Это до войны она снялась. Мы похожи с ней?

Я посмотрел на Нелю, но сразу же отвел глаза.

— Все говорят, что мы очень похожи. — Она улыбнулась, почувствовав, что я смущаюсь. — А мне кажется, что нет. Она такая красивая...

— Сходство, несомненно, есть, — сказал я.

— У меня глаза серые, — сказала Неля.

И мне пришлось посмотреть на нее. Глаза действительно были серые.

— А я думал, голубые.

— Все так думают... У них меняется цвет... А у тебя какие?

— Не знаю.

Она заглянула мне в глаза и спросила, почему я такой маленький. Я сказал, что не знаю.

— Тебе уже исполнилось пятнадцать?

— Нет.

— А-а... Ну тогда все нормально. А я думала, тебе больше.

Я сказал, что мне в феврале будет пятнадцать.

— А сколько лет вашему Пахану?

— Семнадцать.

— Он в меня очень влюблен?

— Откуда я знаю!
— А почему вы все его боитесь?
Я не знал, что ответить ей.
— Он нахал страшный, — продолжала Неля. — Руки распускает. Вы все его боитесь. Я знаю.
— Мы не боимся, — возразил я.
— Дети вы, вот что я тебе скажу, — перебила она. — Глупостями занимаетесь. У меня есть знакомые мальчики. Они совсем по-другому себя ведут. А им столько же лет.
— Мы на яхтах будем плавать, — сказал я. — На настоящих яхтах в открытом море.
Она посмотрела на меня недоверчиво. Потом вдруг спросила:
— А ты стихи писать можешь?
Я соврал, что могу.
— Дашь мне почитать? — Она села за стол и взяла в руки «Геометрию».
Я обещал дать и тоже сел за стол.
Мы занимались два часа.
Потом я побежал на свалку. За последние дни здесь появилось еще несколько куч с гранатами-«лимонками», противогазами. Среди них мы надеялись найти годные к употреблению.
На свалке шел бой. Наши гнали ребят из дома железнодорожников. Их было человек пятнадцать, наших чуть побольше.
Я подоспел вовремя. Наскочил с тыла и заорал: «Бей железнодорожников!» Они задрапали еще быстрее и попрятались. Я несколько раз врезал одному толстяку. Он задержался, чтобы мне ответить, и мы захватили его в плен. Он сильно сопротивлялся, пришлось скрутить ему руки и перевязать ремнем за спиной. А чтобы он ногами не лягался, посадили его на землю. Он обозвал нас гадами и сказал, что мы хуже фашистов.

Мне показалось, что я его откуда-то знаю.

— Сам ты фашист! — сказал я. — Чуть глаз мне не выбил.

— Замолчи лучше, а то хуже будет, — пригрозил ему Хорек. — Вам сколько раз говорили, чтобы вы сюда не ходили!

— Это не ваша свалка, городская. Сюда весь город может ходить.

— Весь город может, а вы нет, — сказал Хорек. — Мы же не лезем к вам в парк.

— Пожалуйста, лезьте, — возразил толстяк. — Там всем места хватит. Кто вас не пускает?

— Нам ваш парк не нужен, а вы не ходите на свалку.

— Это не ваша свалка, — упрямо повторил толстяк.

И тут я вспомнил, что видел его на бульваре. Это он учился плавать на веревке.

— Наша не наша, но мы ее заняли, — сказал Хорек.

— Может, вы заодно весь город займете? — спросил толстяк.

— Это не твое дело. И передай своим, что в следующий раз худо будет, если поймаем вас здесь.

— Ничего вы не сможете нам сделать! Мы же вас не трогаем. Пожалуйста, приходите в наш парк, играйте сколько хотите.

— Не нужен нам ваш парк! — твердил Хорек. — Сколько раз тебе повторять? Заладил одно и то же. Сейчас получишь как следует.

— Я же говорю: вы фашисты!

— Ну, что будем с ним делать? — спросил нас Хорек.

— Врезать ему надо, чтобы знал наших, — предложил Качан.

а

хр

важ

г

з
бу
Ру
заг

как
у Н

ь

ы
ть.

чили
ж-
ко
о
ы-

ал

», —

вои
о

это, — он ткнул пальцем в одно из стихотворений, — скажи, что сегодня ночью написал. Всю ночь не спал из-за него.

— Слишком взрослые стихи и любовные какие-то... — сказал я.

— А какие ты хочешь?

— Ну, про природу, про Родину или про фронт...

— Ты же не Пушкин, — сказал Юрка. — Зачем тебе про природу?

— Она же смеяться будет, — я прочитал несколько строчек из стихотворения, которое переписывал. — Такие стихи пишут возлюбленным.

— А она тебе кто? — спросил Юрка. — Ты же сам говоришь, что любишь ее. Правильно?

— Но она ничего не знает — и вдруг сразу такие стихи.

— Ну как хочешь, — обиделся Юрка. — А я считаю, что надо идти на абордаж, потому что наступил решающий момент.

Я прочитал вслух еще одно стихотворение, как мелькает в весеннем саду фигура любимой в прозрачной одежде.

Рафик рассмеялся. Даже Юрку это стихотворение смутило немного.

— Ты же сам наврал ей, что пишешь стихи, — сказал он. — Тебя же никто за язык не тянул.

— Тянул не тянул, но такие стихи я ей не понесу, — я отодвинул от себя книги и блокнот.

— Ну тогда она никогда не узнает про твое отношение к ней, — махнул рукой Юрка. — Так и будете играть в прятки...

Но Юрка ошибался. Она все узнала. По тому, как она посмотрела на меня, впустив в дом, я сразу понял — что-то случилось.

Она опять была одна. На столе лежала раскрытая

тетрадка, в которой я писал выводы теорем, «Геометрия» и билеты. Продолжая странно смотреть на меня прищуренными глазами, она показала на стул.

Я сел.

— Напиши что-нибудь в тетрадке, — почти приказала она.

— Что написать?

— Ну напиши: «Сегодня хорошая погода...» Дай-ка сюда, — сказала она, когда я вывел последнюю букву. — Так я и знала.

Она торжествующе посмотрела на меня, потом нахмурилась, вытащила из кармана какой-то лист бумаги.

— Это ты писал?

Она держала в руках дурацкое письмо, которое я подложил ей на бульваре. Письмо, которое начиналось словами: «Любовь моя, вот уже несколько месяцев я тоскую по тебе...»

— Отпираться нет смысла, — сказала она. — Почерки совпадают. — Она приложила письмо к тетрадке с моими словами о погоде.

— Ну, ты писал? — еще раз спросила она.

Я кивнул. (Зачем я послушался Юрку?!)

— Какая гадость! — Она бросила письмо на стол. — И тебе не стыдно?!

Я молчал, уставившись в стол.

— Ты что, сумасшедший? — спросила она вдруг совсем не строгим голосом.

— Почему?

— Откуда я знаю, почему! Очень странное письмо. Нормальные люди так не пишут. Мне разные письма писали, но такого никогда не было... Ты правда любишь меня?

Я молчал.

— Ты что, и занимаешься со мной поэтому?

— Нет, — сказал я.

— Ну теперь все равно мы уже не сможем заниматься.

— Почему?

— Как мы можем заниматься после того, что произошло?! И мама будет против, если узнает.

Я молчал.

— Может, ты хочешь, чтобы я скрыла все от мамы?

Я кивнул.

— Значит, ты хочешь, чтобы все осталось в тайне?

Я опять кивнул.

— Тогда обещай, что никогда больше не будешь об этом говорить или писать. Никогда! Обещаешь?

— Обещаю.

— Я подумаю, — сказала она. — А ты дай слово, что вечно будешь хранить эту тайну.

— Клянусь мамой.

— И не забывай, что я старше тебя на целых полгода. Тебе нужна другая девушка, помоложе. И вообще тебе еще рано думать о таких вещах.

Я наконец оторвал взгляд от стола и посмотрел на нее.

— Конечно, приятно, что ты меня любишь, — сказала она, — но между нами ничего быть не может. Это исключено.

— Почему?

— Не задавай глупых вопросов. И прекратим разговоры на эту тему. А то я не приглашу тебя на свой день рождения.

Я посмотрел на нее удивленно.

— Завтра мне исполняется пятнадцать лет, — важно сказала она. — Я тебя приглашаю. Но только не опаздывай. Все соберутся в семь.

Она взяла со стола злополучное письмо, сложила его и спрятала в карман...

Сын полка весь день опять был в части. У них проходило какое-то учение. Он точно связист. С тутового дерева я видел, как он бегал по территории с полевым телефоном, разматывая на ходу кабель.

Вечером он белил стены своей комнаты. Со двора в окно было видно, как он влез на деревянную лестницу и водит короткой кистью по стене. Слышны были голоса управдома и дворничихи Чимназ. Управдом разговаривал с ним, как со взрослым.

— Это правильно, — сказал он. — Я понимаю: хороший боец трудностей не боится... А в восемь ноль-ноль прошу на собрание в мой подвал. Всех жильцов собираем.

Он что-то еще добавил негромко и рассмеялся.

— У меня дома одеяло хорошее, — сказала Чимназ, — стеганое. Я принесу вечером.

— Спасибо, тетя, — сказал сын полка. — Я всем обеспечен. Зачем же из дому нести?

— А мне не жалко, — сказала Чимназ. — Оно шерстяное, тепло хорошо держит.

Сын полка еще раз сказал ей: «Спасибо». Управдом и Чимназ вышли во двор. Увидели меня.

— Этот, — сказала Чимназ.

— Что — этот? — тихо, чтобы не слышал сын полка, спросил я, но на всякий случай отошел на несколько шагов.

Управдом начал орать:

— Я сколько раз говорил: под окнами камнями не бросайтесь!

Я попросил его не кричать, сказал, что камнями не бросался.

Тут заорала Чимназ:

— Ты разбил! Я сама видела. Садых подтвердить может.

На ее крики во двор вышел сын полка.

— Ладно, Чимназ, не кричи, — вдруг спокойным голосом сказал управдом. — Заставим родителей вставить.

Они ушли.

Сын полка посмотрел на меня и опять вошел в дом. Как я мог заговорить с ним после этой глупой истории?

17 августа

Оказалось, что мне не в чем идти на день рождения: брюки в пятнах, на коленях вытянулись и цвет потеряли; туфли тоже ободранные, каблуки сбиты.

Туфли смазал вазелином. Брюки мама постирала и погладила. Сели немного, но на коленях перестали пузыриться. Рубашку надел папину, с длинными рукавами, запонками и отдельным воротником. Папа сказал, что к ней галстук нужен. Я не согласился.

— Как же галстук без пиджака?

Мама сказала:

— Ничего. Можно и без пиджака, а то видно, что воротничок отдельный.

Начали примерять галстуки. Папа завязывал их на себе, а потом уже я продевал в них свою голову. Сорочка в плечах мне была широкой, рукава пришлось закатать, чтобы не бросалась в глаза длина.

Еще спорили из-за подарка. Мама считала, что надо подарить Неле книгу — два томика стихов Лермонтова, а я претендовал на флакон маминых духов. Папа соглашался и со мной, и с мамой.

— Какие еще духи! — возмутилась мама. — От горшка два вершка, уже духами интересуются!

— А зачем ей Лермонтов? — спрашивал я. — Она его в школе проходила!

Папа что-то тихо шептал маме, когда она выходила в другую комнату.

Она громко отвечала:

— Духи не дам! Из чисто педагогических соображений. Я против таких подарков.

— А книжки не новые, — привел я новый довод, закатывая перед зеркалом рукава сорочки.

Тут папа взял мамину сторону.

— Ты не прав. Книжки хорошей сохранности, и совсем необязательно, чтобы они были новые.

Пришлось пойти с Лермонтовым. Завернул его в белую бумагу, перевязал ленточкой.

Мама осмотрела меня в последний раз и осталась довольной. Но я-то знал, что в сорочке и галстуке похож на пугало.

— Что-то у нас на пустыре милиционеры в штатском дежурят, из угрозыска, — сказала вдруг на дорогу мама. — Следят за кем-то.

— Откуда ты знаешь? — спросил я.

— Видела. Я же их всех знаю.

— Наверное, ищут, кто револьвер у милиционера свистнул.

— Наверное, — согласилась мама, вздохнула и поцеловала меня в лоб. — Ну иди...

И я пошел через пустырь, припрятав под сорочку книжки на тот случай, если напорюсь на кого-нибудь из наших.

У Нелиных дверей я их вытащил, заправил сорочку, пригладил волосы.

Неля была в новом платье. В руках она держала нож. Увидев меня, рассмеялась:

— Ты опаздываешь... Все уже собрались.

Я поздравил ее и сунул в руки Лермонтова.

В коридоре, кроме нее, была еще тетя Аида. Они делали бутерброды из любительской колбасы и сыра и складывали в большие тарелки. Тетя Аида спросила, как идут наши занятия. Я сказал, что хорошо. Неля под-

толкнула меня к двери в комнату, за которой были слышны голоса и музыка. Я открыл дверь и вошел.

— Это наш сосед, — сказала с порога Неля. — Зовут его Эльдар, — и закрыла дверь.

Я по очереди пожал всем руки. Те двое, которых мы били на пустыре, не пришли. А может, она их не пригласила.

Поздоровавшись со всеми, я отошел к столу около окна, на котором стоял портрет Нелиной тети. Большого стола под абажуром не было, потом я увидел, что он лежит ножками вверх на кроватях на другой половине комнаты, за занавеской. Его убрали, чтобы освободить место для танцев.

Гости, видимо, друг друга знали. Двое парнишек лет по семнадцати и две девочки играли во «флирт». Одна парочка возилась с патефоном и пластинками, другая о чем-то негромко беседовала рядом с буфетом. Ребята все выглядели года на два-три старше меня. У некоторых даже усы росли. Я был ниже всех ростом и хуже всех одет.

На диване обменивались карточками и громко называли камни: топаз, аквамарин, бриллиант, рубин и т. д.

Я сел на стул, взял в руки портрет Нелиной тети и принялся разглядывать, будто увидел его впервые.

Неля и тетя Аида принесли тарелки с бутербродами, винегрет, холодец и бутылку вина. Для портрета места на столе не осталось, пришлось поставить его на буфет. Я отошел к дивану, чтобы не мешать им хозяйничать. И от нечего делать стал наблюдать за тем, как «флиртуют» четверо. Они на меня не обращали внимания и даже не предложили сыграть с ними. Я бы все равно отказался, но, если бы они были воспитанными людьми, могли бы и предложить.

Неля и тетя Аида опять ушли в коридор и закрыли

за собой дверь. Я подошел к патефону, завел его и поставил какую-то пластинку. Те двое, которые уже давно перебирали пластинки, посмотрели на меня недовольно, но ничего не сказали.

Пришли еще два парня. Неля впустила их в комнату, сказала, чтобы познакомились, кто незнаком, и позвала тетю Аиду.

Оказалось, что парни незнакомы только со мной и с рыжей девчонкой, игравшей во «флирт». Одного парня звали Фуад, другого — Котик.

Вошла тетя Аида, уже без фартука, и попросила выключить музыку. Я остановил пластинку.

— Дорогие гости, — сказала тетя Аида, — вы знаете, что сегодня Нелечке исполняется пятнадцать лет. Здесь собрались ее близкие друзья. Я вам мешать не буду, но хочу предложить первый тост за Нелино здоровье, а потом веселитесь как хотите.

— Мама уходит, — объяснила Неля.

— Прошу всех к столу, — сказала тетя Аида.

Все подошли к столу, взяли по бутерброду. Тетя Аида налила в стаканы понемногу вина.

— Доченька, будь счастлива, — сказала тетя Аида, чокнулась с Нелей, поцеловала ее и ушла. И все чокнулись с Нелей.

Начались танцы. Все танцевали без передышки. А я сидел на стуле у буфета и опять рассматривал портрет Нелиной тети.

Один раз Неля, танцуя, нагнулась ко мне и спросила, почему я не танцую. Я сказал, что не хочется.

— Не умеешь, что ли?

— Нет.

— Ну это же легко. Надо научиться.

Она посмотрела на портрет и улыбнулась.

— Очень нравится?

Я не успел ответить, потому что она повернулась

в танце и между нами оказался парень, с которым она танцевала...

Я съел еще два бутерброда, почитал «флирт». Он был такой же, как у нас дома, только в нашем вместо драгоценных камней стояли названия цветов.

Я вышел в коридор. На часах с гирьками, висевших в углу, было девять. Уже два часа продолжался этот день рождения. Я походил по коридору. Мое отсутствие никто не заметил. Я подождал немного, но меня так и не позвали назад.

Я тихонько отворил наружную дверь и вышел во двор. Домой идти не хотелось. Я решил посмотреть, дома ли Юрка.

Уже давно отменили затемнение в городе, но ни в одном окне не было света. В Юркином тоже. Я хотел сесть на скамейку под абрикосовым деревом и вдруг почувствовал, что на ней уже кто-то сидит. Вернее, услышал чье-то дыхание. И тут только заметил, что на другом конце скамейки, привалившись спиной к дереву и поэтому в темноте сливаясь с ним, спит человек. То, что он спит, я понял по дыханию. Он даже сопел немного.

Не знаю, почему, но я сразу подумал, что это дядя Христофор. Может быть, потому, что от него пахло краской. Это действительно был он. Пахло не только краской, но и водкой. Видно, дядя Христофор решил по случаю дня рождения Нели поддать немного, а теперь ждал во дворе, когда разойдутся ее гости.

Это было вчера.

А сегодня вдруг на пустыре раздался мотоциклетный треск. Я собирался весь день не выходить из дому, но тут не выдержал. Быстро натянул брюки, завернул в газету жареную картошку, которую оставила для меня мама на сковородке, схватил кусок хлеба, вареное яйцо и побежал.

Т

зд

ассту-
щик-
ро-
г

о-
-
-

Я сказал ему, что не за себя волнуюсь, хотя и мне тоже трудно будет собрать двести рублей.

— Ничего, соберешь, — сказал Пахан, продолжая жевать. — Сказали тебе, что другим еще труднее.

— И не думай, что ты уж такой умный, — продолжал Хорек. — Я договорился в керосиновой лавке: у кого нет денег, будет качать керосин из бака. Тетя Ася не обидит. Еще можно торговать очередью за хлебом или крутить карусель на Парапете.

— Я даю четыреста рублей, — сказал сын одноглазого завмага.

Хорьку не понравилось, что он сказал об этом при всех.

— Ты чего орешь?! — сказал он. — Потом поговорим.

Пахан встал, покрутил ручку мотоцикла и с силой нажал на педаль. Все сразу же забыли про еду и вскочили на ноги. Опять началась толкотня. Я тоже старался изо всех сил.

На этот раз повезло Качану. Мотоцикл помчался по пустырю, мы за ним.

— Леня заболел, — сказал я Рафику, пока Качан катался.

— Знаю.

— Надо поговорить с Хорьком.

Рафик ничего не сказал. Он следил глазами за мотоциклом.

— Я хочу сегодня вечером с ним поговорить.

Рафик опять промолчал.

— Ты пойдешь со мной? — спросил я.

Он вдруг разозлился.

— Знаешь что?! Я тут ни при чем. Зачем я из-за Лени должен страдать? И так Хорек на меня косится.

Я хотел кое-что ответить ему на это, но не успел:

мотоцикл вдруг перестал тарахтеть, несколько раз чихнул и остановился посреди пустыря.

Пахан пытался завести его, но у него не получалось. И тут я увидел сына полка. Он стоял среди ребят и смотрел на то, что делает с мотоциклом Пахан. Потом он похлопал его по плечу и сказал:

— А ну-ка погоди...

Пахан сразу же послушался его и слез с мотоцикла.

— Держи вот так, — сказал ему сын полка и наклонил мотоцикл набок. Он поковырялся в моторе, что-то там прочистил проволокой, сел на сиденье и помахал рукой, чтобы дали дорогу.

Сделав на очень большой скорости один круг по пустырю, он остановился как вкопанный точно там, откуда снялся с места.

— А чего ты? — сказал Пахан. — Покатался бы еще...

— В следующий раз, — улыбнулся сын полка.

И даже Хорек улыбнулся ему в ответ.

— Он взрослых солдат связи учит, — сказал я. — Я своими глазами видел.

— Я против него ничего не имею, — сказал Пахан. — Пусть живет. Ну поехали.

Мотоцикл опять помчался по пустырю. Все побежали за ним...

Вечером я пошел к Хорьку. Его матери, тете Зарифе, очень хочется, чтобы мы с Хорьком дружили. Она часто мне об этом говорит. Мой отец преподавал ей на рабфаке географию, и она никак не может об этом забыть.

Она очень обрадовалась мне и попросила зайти в дом. Но я отказался.

Из комнаты вышел Хорек. Мы спустились во двор. Остановились у водяного крана.

— Слушай, — сказал я, — ты знаешь, что Леня заболел?

— Нет, — соврал он.

— Врешь, — сказал я.

— Это ты мне говоришь?! — угрожающе спросил Хорек. — А сможешь завтра повторить при всех?

— Врешь ты все! Никакой Леня не предатель. Это ты нарочно про него придумал. Что он такого предательского сделал? Ну скажи...

— Командир знает, что он сделал. Ты что, против командира идешь?

— Слушай, Хорек, — я взял его за воротник рубашки, — все это ты придумал. Леня ни в чем не виноват. Мать его целыми днями плачет...

— Отпусти рубашку, — потребовал Хорек, — а то ответишь за это завтра.

— Хорек, — я продолжал держать его за воротник,— ты меня знаешь. Я не Леня. Ты тоже пострадаешь вместе со мной... — Я весь трясся от злости, когда говорил ему это.

— А что ты мне сделать можешь? — спросил он.

— Все, что хочешь, — сказал я. — Могу дать тебе кирпичом по башке. Хочешь, прямо сейчас дам?

Он испугался, но не очень.

— Какое тебе дело до Лени? — сказал он. — Что ты лезешь не в свое дело? На этих яхтах железнодорожники плавают. А они наши враги... Если ты не отпустишь воротник, тебе завтра плохо будет. На этот раз я тебя не пожалею.

— Мне не нужна твоя жалость, — сказал я. — И не жалеешь ты меня, а боишься.

— А чего мне тебя бояться?

— А потому, что я все про тебя понимаю и про отряд твой тоже. От него только тебе польза. Для этого ты его и придумал, чтобы власть на пустыре захватить.

Говорил, что людям будем помогать, и все тебе поверили. А Пахан только тебя слушает, потому что обещал ты ему, сам знаешь что... — Я умолк.

— Ну, что ты еще скажешь?

— Оставь Леню в покое.

— Все?

— Все!

— Ну а теперь меня послушай, — зашипел Хорек мне в лицо. — За эти слова ты завтра кровью будешь плакать. Я все расскажу Пахану. Давно надо было с тобой кончать. Ты хорошего языка не понимаешь...

И тогда я сказал ему то, чего очень не хотел говорить. Он сам заставил меня. Я не хотел этого, но он заставил меня своими угрозами.

— Если ты не оставишь Леню в покое, — сказал я, — я всем расскажу про то, что ты по ночам в постель писаешь.

Такого поворота он не ожидал.

— Ну?

Хорек молчал.

— Ты не расскажешь, — сказал он наконец. — Не сможешь, стыдно будет.

— Будет, — согласился я. — И я никогда никому не говорил. Но теперь расскажу. Ты сам меня заставляешь.

— Все равно не сможешь, — он заискивающе заглянул мне в глаза. — Я твой характер знаю.

— Расскажу, — твердо сказал я, — если не отвяжешься от Лени. Обязательно всем расскажу.

Наконец он сдался.

— Ладно, — сказал он. — Только не болтай больше про отряд, про Пахана.

Он пошел к лестнице...

Теперь от него любой подлости надо ждать. Но Леню я, кажется, выручил...

19 августа

Мама последнее время работает и по ночам. То на строительстве, то в порту на погрузке. Общественная работа. Командует большим отрядом. Многих из наших соседей тоже мобилизовала. Домой приходит под утро, измазанная и усталая, еле на ногах держится.

Сегодня пришла в шесть утра, вся белая от муки. Пока она мылась и переодевалась, я осмотрел нашу старую, видавшую виды мебель и подошел к маме.

— Мама, — сказал я, — зачем нам канапе? Оно же совсем не в стиле нашей мебели.

— Почему же не в стиле? — устало улыбнулась она.

— И фасон другой, и цвет, и вообще...

Папа жарил на примусе баклажаны.

— Оно от дедушкиного кабинета осталось, — сообщил он. — Там еще два больших мягких кресла стояли и круглый столик.

— Вот видишь, — сказал я. — У нас ведь нет кресел. А к нашим стульям не подходит.

— Что это ты вдруг мебелью заинтересовался? — удивилась мама.

— У меня такая просьба, — сказал я. — Давай отдадим канапе сыну полка. У него «кэчевская» мебель, и ничего красивого.

— Это дедушкино канапе, — сказала мама. — Надо у папы спросить разрешения.

— Папа не против, — сказал я, — лишь бы ты согласна была.

— Так вы уже договорились обо всем? — рассмеялась мама. — Голову мне морочите?.. А что он с ним будет делать?

— Как что? Спать. Он же почти такой, как я, ростом. Свободно поместится.

— Ну ладно. Если спать, то отдай.

— Спасибо, мама... А вешалку?

— Какую вешалку?

— Старую, — успокоил ее я.

— Ладно, бери и вешалку.

— Спасибо.

— Элик, вы так и не выяснили, кто топил Леню? — спросила мама, перестав улыбаться.

Я ответил не сразу.

— Нет.

Мне было особенно стыдно врать ей после того, как она всю ночь не спала. Но разве я мог сказать?

— Ты бы привел к нам этого сына полка, — сказал папа. — Познакомились бы.

— Я сам его не знаю.

— Ну вот, заодно и сам познакомишься. Обязательно приведи.

— Хорошо, — сказал я...

Сперва я отнес вешалку. Поставил ее у двери и постучался.

— Заходите, открыто, — сказал он.

Я вошел. В коридоре, как и у Юрки, пол был асфальтовый. Стены уже высохли. На полу валялись доски, а сам сын полка прибивал к подоконнику длинную палку. Увидев меня, он перестал стучать молотком, но из рук его не выпустил.

— Я там вешалку принес, — сказал я. — Куда ее поставить?

Он не понял меня.

— Мы в соседнем доме живем, — объяснил я. — На втором этаже, зеленый такой балкон. Просим прийти к нам в гости.

Он опять ничего не понял.

— А вешалка зачем?

— А вешалка — это просто так. Это не связано. Вешалка и канапе.

— Канапе? — спросил он.

— Это диванчик такой, с круглой спинкой. На нем можно спать, он мягкий. Только его надо вдвоем принести. Вешалку я принес, а за диванчиком надо вместе сходить. Одному трудно.

— Спасибо, — сказал он, понемногу начиная понимать меня. — Только у меня все есть, что полагается.

— Это совсем другое. Канапе очень мягкое. От деда моего осталось... Он доктор был... А вешалка здесь.

Я выскочил во двор и втащил вешалку в коридор.

— Хорошая, — улыбнулся сын полка. — Только вешать на нее нечего. Все обмундирование на мне.

— А шинель?

— А шинель под голову. — Он положил молоток на подоконник, вытер руку и протянул мне ее для знакомства. — Рудаков Константин... Костя, — добавил он и крепко пожал мне руку.

— А я Элик. Эльдар Караев.

Он внимательно посмотрел на меня.

— Я тебя видел раз...

— Да, — смутился, — глупо получилось...

— Шпаны у вас здесь много, — сказал он солидно, как взрослый человек. И вообще он держался как взрослый: то ли подражал кому-то, то ли привык к такому поведению в армии. — Перегородку хочу сделать, — показал он на доски. — Чтобы кухонька была...

— У нас рубанок есть. Может, нужен?

Он обрадовался.

— Очень нужен. Я быстро верну.

— Да хоть навсегда пусть останется. Мы все равно не пользуемся. Пошли. Заодно и канапе принесем.

Он почему-то колебался. Может, название его смущало? Действительно, смешное слово «канапе».

— Неудобно как-то, — сказал он. — А родные знают?

— Конечно. Они в курсе. Отец дома, сам увидишь.

Он надел гимнастерку. Заправил ее под ремень.

— У меня отец сильно близорукий, поэтому его на фронт не взяли, — сказал я. — Близоруких не берут...

— А ты в каком классе? — спросил он.

— В восьмой перешел.

— А сколько тебе лет?

— Четырнадцать с половиной. А тебе?

— В мае пятнадцать исполнилось. Но я в пятый класс пойду. Три года потерял из-за войны.

Мы вышли на пустырь. Наших видно не было, наверное, спустились в овраг. Я оглянулся и увидел Нелю в окне. Она смотрела на нас. Я хотел отвернуться, но она сделала знак, чтобы я подошел.

— Костя, — сказал я, — ты подожди минутку. Тут зовут меня.

Он тоже увидел ее.

— Ладно, — сказал он.

Я подошел к окну.

— Здравствуй, — сказала она, улыбаясь. — Ты чего же исчез?

— Здравствуй.

— Обиделся на что-нибудь?

— Нет.

— А почему не приходишь?

— Завтра приду.

— Нет уж, сегодня. Мне заниматься нужно. Это нечестно с твоей стороны. Ты же обещал со мной заниматься...

— Хорошо, приду сегодня.

— Если даже ты обижен на что-то, все равно не должен бросать занятия. Благородные люди так не поступают.

— Ладно, — сказал я.

— А что ты дуешься? — продолжала она, улыба-

ясь. — Я только хотела пригласить тебя танцевать, а ты исчез. И вообще мне никто из тех ребят не нравился.

— Не в этом дело, — сказал я.

— А в чем?

Не мог я ей сказать, в чем дело, и не только ей — никому не мог. Слишком длинное и запутанное объяснение получилось бы: как бы я объяснил, что дело не в ком-то, а во мне самом, в том, что я маленький и не могу танцевать, плохо одет, всего стесняюсь, а она уже взрослая девушка, и друзья у нее взрослые, и мне хочется порвать все отношения с ней сразу и навсегда, чтобы никаких надежд не было и неясных сомнений.

— Я сегодня опять твое письмо читала, — сказала она, — все-таки ты ненормальный.

— Меня ждут, — я старался на нее не смотреть. — Я приду через полчаса.

— Ты очень невежливо себя ведешь, — сказала она. — Ничего страшного, подождут.

Я оглянулся. Костя стоял на том же месте.

— Это сын полка, — сказал я. — Костя Рудаков. У него медаль есть.

— Знаю. Ну я тебя жду. Только не опаздывай. Понял?

— Да, — сказал я и побежал к Косте. Настроение мое вдруг стало очень хорошим.

Костя показал на ограду вокруг танцплощадки и спросил, что это такое.

— Танцплощадка. Сегодня будут танцы. Пойдем?

— Времени нету, — сказал Костя. — Не до танцев сейчас.

Папы уже не было дома. Я вытащил ключ из-под коврика перед дверью и сказал Косте о том, что папа очень хотел с ним познакомиться. Жалко, что ушел.

Оглядывая комнату, Костя подошел к книжным шкафам, покрутил головой.

— Сколько книг!.. Отца?

— Некоторые еще от деда остались. Отец с братьями разделили его библиотеку. У отца еще два брата есть.

— А кто твой отец?

— Географ. Преподает в университете. Слушай, приходи сегодня вечером к нам. Посидим, с родителями познакомишься. Что тебе одному дома сидеть? Я зайду за тобой. Ладно?

— Ладно, — согласился он.

— Вот канапе, — показал я ему.

— Красивая вещь.

— Тоже от деда осталась. В кабинете у него стояла. Ну, взяли?

Мы подняли канапе и понесли к двери.

Когда мы тащили его через пустырь, наши уже собрались на танцплощадке и все, конечно, видели нас. Но ничего не сказали...

Ее в окне не было...

Назад я проскочил незамеченным и ровно в два часа был у Нели.

— Опоздал на три минуты, — сказала она.

На наших было без пяти, когда я вышел. Я сказал ей об этом.

— Опоздал. Я по радио проверяла. А сказал, что придешь точно.

Тетя Аида рассердилась на нее.

— Глупости не говори! Что такое три минуты, что ты из-за них разговор ведешь?

Я успокоил тетю Аиду, что мы шутим, и прошел в комнату.

— Оказывается, ты меня ревнуешь? — улыбаясь, спросила Неля.

Я растерялся.

— Как ревную?

— Очень просто. Приревновал меня и ушел со дня рождения. Папа рассказал, как ты с ним сидел на скамейке.

— Не приревновал, а скучно было.

— А почему вчера не пришел?

Я молчал.

— Я теперь все про тебя знаю, — сказала она. — По письму видно, что ты за человек: маленький, а влюбчивый.

— Давай заниматься, — сказал я и открыл «Геометрию».

Да, с письмом я влип, теперь она никогда не успокоится. Надо было другим почерком написать или печатными буквами.

— А я долго думала, кто же это мог такое письмо сочинить? Никогда бы не догадалась, что это ты. Только почерк тебя выдал. И давно ты меня любишь?

— Давно.

— Ну сколько?

— Год.

— Безнадежное дело.

— Почему?

— Маленький ты.

— Ну и что? Мы с тобой одинакового роста.

— Мужчина должен быть выше женщины.

— Я еще вырасту.

— Ну, когда вырастешь, тогда и поговорим. Где мы остановились?

— На шестом билете.

На пустыре заиграл оркестр.

— Танцы начались, — сказала она. — Сейчас Сонька придет.

Действительно, в дверь постучались. Тетя Аида почему-то сказала, что Неля занимается.

— Встань туда, чтобы она тебя не видела, — пока-

зала мне Неля на занавеску между буфетом и шифоньером и высунула голову в коридор. — Ничего, мама, пусти ее на минутку.

— Покоя от вас нет, — сердито сказала тетя Аида. — Заниматься девочке не даете.

Я не видел Соньку, но сразу узнал ее по голосу.

— Неля, тебе не надоело дома сидеть? — сказала она как ни в чем не бывало, будто не ее гнала тетя Аида. — Не хочешь на танцы пойти?

— Ты что, как дурочка, одно и то же повторяешь каждое воскресенье? — спросила Неля. — Я тебе уже сто раз говорила, что на танцы не хожу.

Сонька понизила голос, чтобы не услышала тетя Аида:

— Он умирает по тебе. Говорит: «Я для нее все сделаю, только пусть один раз выйдет на свидание!» Ты его мотоцикл видела?

— Видела.

— Знаешь, как он быстро ездит? Ветер в ушах свистит. Майка умоляет, чтобы он ее покатал, но он только по тебе умирает. Или она, говорит, или никто.

— Надоел он со своим мотоциклом. Целый день под окнами тарахтит.

Сонька хихикнула.

— Специально. Чтобы ты на него внимание обратила.

— Не хватает еще, чтобы я на хулиганов обращала внимание! — фыркнула Неля. — Он проходу никому не дает.

— Его все боятся, — согласилась Сонька. — Какая везучая! Если бы меня такой парень полюбил, я самая счастливая была бы.

— Тоже мне силач! Посильнее его люди есть, — сказала Неля. — И скажи ему, пусть руки не распускает, а то у меня тоже может терпение кончиться.

— Хорошо, скажу. Но это он из-за тебя такой нервный, покоя найти не может.

Тетя Аида заглянула в комнату.

— Иду, иду! — вскочила со стула Сонька, — До свидания, Нелечка. Не буду тебе мешать, — сказала она фальшивым голосом, — потом зайду, поговорим.

— До свидания.

— Выходи, — позвала меня Неля после Сонькиного ухода. — Надоела! Неужели никто не может этого Пахана проучить? Такой нахал! Пристает все время. Почему все его боятся?

— Не все, — возразил я.

— А кто?

— Сын полка его не боится.

— Откуда ты знаешь?

— Сам видел. Он с ним даже разговаривать не стал. Повернулся и ушел. А Пахан не знал, что сказать, растерялся даже.

— Когда это было?

— На днях. А хочешь, я тебя с сыном полка познакомлю? — спросил я. — Сегодня вечером он придет к нам.

— Хочу.

Мы договорились, что я зайду за ней вечером.

— А ты почему стихи мне не принес? Обещал же.

— Принесу. Только отберу хорошие.

— Я люблю, когда мальчики стихи пишут, — сказала Неля, — и напиши сверху: «Посвящаю Неле Адамовой».

— Хорошо.

— Молодец! А теперь давай заниматься.

Мы принялись за геометрию.

Потом я пошел на танцы. Первым, кого я там увидел, был Леня. Он стоял вместе с ребятами, которые, как всегда, окружали стул Пахана, и сиял от радости, хотя

и выглядел больным. Он посмотрел на меня благодарно, но ничего не сказал из осторожности. Я поздоровался со всеми, кроме Рафика.

— Лёню простили, — шепнул мне Юрка.

Рафик почему-то обиженно отворачивался от меня.

— Ты что «шестеришь» на этого солдата? — спросил меня Пахан. — Офицером хочешь стать?

— Я не «шестерю», — спокойно объяснил я. — Это подарок.

— Это твой диван, что ли?

— Да, наш.

— А где пропадаешь?

— Дома дел много. Я же не виноват, что меня дома работать заставляют.

— Наше дело предупредить, — сказал Пахан. — Одного простили, — он строго посмотрел на Леню, — но других жалеть не будем. А почему жратву не носишь?

Я посмотрел на Хорька. Он сделал вид, что не имеет к этому разговору никакого отношения.

— Жратва будет, — сказал я. — Баклажаны жареные и колбаса. Могу сейчас принести.

— Давай валяй!

Я побежал за едой...

Когда я вернулся, за забором воинской части вдруг заиграл духовой оркестр. Мы все побежали к тутовому дереву.

Весь личный состав части был выстроен на плацу, командир и несколько офицеров стояли рядом с развернутым знаменем. Голоса мы не слышали из-за расстояния, но было ясно, что командир называет фамилии, потому что из строя выходил какой-нибудь боец и шел, печатая шаг, к знамени. Там незнакомый нам офицер читал что-то по бумажке и прикалывал на грудь бойцу медаль. Потом играл оркестр.

Сына полка тоже наградили.

— Это вручают медали за победу над Германией, — сказал сын одноглазого завмага.

Командир части поцеловал сына полка.

...К вечеру мама напекла хворосту, и мы пили чай вчетвером: я, мама, папа и Костя. Он немного стеснялся, но все равно вел себя солидно и рассудительно, как взрослый человек. Мама и папа разговаривали с ним так, будто он не мой ровесник, а их. Тем более что на груди его висела вторая медаль.

— Спасибо, мне достаточно, — сказал он, когда мама хотела положить ему еще хворосту, и ответил на вопрос папы, как он попал в наш город.

— В июле нашу часть перевели в одно место — сто километров отсюда...

— Я знаю, — сказал папа.

— А тут как раз вышел приказ о демобилизации. Вызвал меня к себе командир части и говорит: «Спасибо тебе, Рудаков, за службу, но война закончена уже, и надо тебе учиться. Не имеем права держать тебя в части». Вот я и приехал сюда жить, чтобы далеко от наших не уезжать. Сто километров — это не так далеко.

— А как сестры? — спросила мама. — Их же надо найти.

— Разыскиваем. В Днепропетровске их нет. Командир туда писал и ездил туда. Нет их там. И дома нет. А куда эвакуировались, никто толком не знает. Через Баку на Красноводск, а дальше неизвестно...

Я спросил у Кости, почему он каждый день в часть ходит. Будто служит там.

— Это я сам, добровольно, — немного смутился он. — Меня ведь на полное довольствие взяли.

— А сколько лет твоим сестрам сейчас? — спросила мама.

— Взрослые они: одной семнадцать будет, другой — девятнадцать...

— Бедные... — вздохнула мама.

— Я их разыщу, — успокоил ее Костя. — Лишь бы живы-здоровы были.

— Учиться тебе надо, — сказал папа.

— Я в детдом не хочу, — сказал Костя. — Ребята мне так и сказали: «Никаких, Костя, детдомов. Получишь квартиру, пойдешь в школу, а за остальное не волнуйся, будешь на полном нашем обеспечении. Мы тебя одного не оставим».

— Наша мама два года была директором детдома: с сорок первого по сорок третий, — сказал папа.

— Я не против детдома, — объяснил Костя, чтобы не обидеть маму, — может, там и хорошо. Но после армии в детдом идти как-то неудобно...

— Ты ничего не ешь, Костя, — сказала мама. — Дай я тебе еще чаю налью.

— Чаю можно, — согласился Костя.

Я воспользовался паузой и встал из-за стола.

— Ты куда? — спросила мама.

— Я на минутку. Сейчас приду.

Через минуту я был у Нелиных дверей. Постучался, наверное, очень громко, потому что тетя Аида испуганным голосом спросила: «Кто там?» — и дверь не открыла.

— Это я, Элик. Скажите Неле, что я пришел.

— А Нели нет.

— Как нет?.. — удивился я. — Мы же договорились с ней, что вечером приду.

— Не знаю. Неожиданно ушла к подруге. Я не пускала, а она все равно ушла. Не хочет дома сидеть.

— И ничего не просила передать мне?

— Нет, ничего, — тете Аиде даже неудобно стало передо мной. — Забыла, наверное. Она совсем рассеянная стала. Все забывает. А что сказать ей, когда придет?

— Скажите, что я приходил. До свидания.

Она что-то еще сказала мне успокаивающее, но я, не дослушав ее, потащился домой.

Куда она могла уйти? Мы же договорились с ней.

Когда я вернулся домой, у нас сидел дядя Шура. Он показывал Косте раны.

— Это под Курском. Сюда вошла, отсюда вышла. А это Армавир. Видишь, рука не сгибается?

Увидев меня, дядя Шура радостно объявил мне:

— Он, оказывается, тоже связист. Я же смотрю — родное в нем что-то чувствуется.

— А сейчас где вы работаете? — спросил Костя.

— Монтером в педагогическом институте. И еще я личный парикмахер семьи Караевых. Я их всех стригу.

— Кроме меня, — сказала мама.

— Я мужской мастер, — гордо сказал дядя Шура.

— У дяди Шуры хорошие пластинки, — сказал я. — Ты любишь музыку? У него арии из всех опер.

— Двести восемьдесят четыре, — уточнил дядя Шура.

— А всего сколько штук? — спросила мама.

— Всего пятьсот тридцать шесть.

— Что-нибудь случилось? — тихо спросила у меня мама. — Ты чем-то расстроен?

— Ничего не случилось, — успокоил я ее, — тебе показалось.

Она посмотрела на меня недоверчиво.

— Элик, сыграй что-нибудь, — попросил папа.

Я сел за пианино.

20 августа

Утром за мной прислали Леню.

— Скажи, что меня нет, — попросил я.

— Хорошо, — покорно согласился он, но по глазам было видно, что он боится. — Рафик сегодня ударил меня.

— Я поговорю с ним.

— Не надо. Я не для этого сказал, — еще больше испугался Леня. — Просто жалко его. Он же хороший человек был. Ну я побегу, а то они ждут.

— Беги, беги, Леня.

— Хорек все время с Рафиком шепчется.

— Ничего, беги Леня.

Он убежал. Я еле дождался одиннадцати часов. Но они носились по пустырю на мотоцикле, и выйти из дому было невозможно.

Я перелез с балкона на крышу, соскочил на кровлю ее дома и спустился во двор по дереву. На этот раз она была дома.

— Где ты была вчера? — спросил я сразу же.

Она удивленно посмотрела на меня.

— Когда?

— Вечером.

— К подруге ходила. А что? — спросила она.

— Но ты же обещала прийти к нам. Я прибегал за тобой.

— Ты что, думаешь, у меня других дел нет?

— Но ты же обещала?!

— Обещала, а потом передумала. Успокойся, пожалуйста. Ты так со мной разговариваешь, как будто мы с тобой встречаемся. Ты не имеешь на меня никаких прав. Садись.

Я сел.

— Все почему-то считают, что могут мной командовать.

— Я не командую.

— А если ты такой храбрый, ты бы лучше сказал Пахану, чтобы он не приставал ко мне. Ты знаешь, что он вчера сделал? Побил брата моей подружки за то, что тот провожать меня пошел. Тот так испугался, что даже ответить не смог. Вы все его боитесь, а строите из себя героев!

Я молчал.

— Смотри, что утром Сонька принесла. — Она вытащила из кармана записку. Я узнал почерк Хорька. Там было написано: «Так будет с каждым, кто подойдет к тебе. А если согласишься со мной дружить, то сделаю для тебя все, что хочешь, и сможешь всем приказывать. Будешь королевой пустыря. Даю три дня на размышление. Аркадий».

— Я и не знала, что его Аркадием зовут... Мама видела записку, — сказала она шепотом. — Боюсь, папе скажет. А этого Пахана я не боюсь. Ничего он мне не сделает. Когда я на него вот так смотрю, — она вскинула брови, — он как шелковый становится.

После этого разговора я понял, что должен заступиться за Нелю.

Я пошел на бульвар и просидел у моря целый день, чтобы никого не видеть и не отвечать на вопросы, почему я грустный и о чем думаю. Сел на теплый, согретый солнцем камень и смотрел на парусники. Сделав круг, они проходили совсем близко от меня. Я думал совсем о другом, но было приятно смотреть на них. Как бы я хотел оказаться на одном из них вместе с ней!

Когда стемнело, я вернулся на пустырь. Зашел к Косте. У него был дядя Шура со своим патефоном и пластинками. Краска на полу высохла, и они сидели в комнате.

— Мне письмо пришло из части, — сказал Костя, после того как кончилась ария герцога из оперы «Риго-

летто», — и посылка. — Он показал на ящик из-под консервов, который лежал в углу. — На машине привезли.

Дядя Шура был слегка выпивший.

— Я тоже сиротой рос, — сказал он, заводя патефон, — но у меня старший брат был. Он меня каждый день в школу водил с собой, чтобы я один не оставался. Мне было четыре года, а ему четырнадцать.

— Я тоже сестер найду, — сказал Костя. — Ребята из части пишут, что наш командир в газету «Правда» письмо послал, чтобы помогли.

— Вог я грузин по национальности, — сказал дядя Шура, — а всю жизнь здесь прожил. Послушайте грузинскую песню.

— Я нашел тебе все учебники для пятого класса, — сказал я Косте тихо, когда пластинка заиграла.

— Молодец! — обрадовался Костя.

— Они, оказывается, в ящике лежали, на балконе.

— Слушайте музыку, — сказал дядя Шура. — Разговаривать потом будете.

Мы замолчали...

Дядя Шура ушел, прокрутив пластинок десять.

Мы помогли ему донести пластинки. Патефон он тащил сам и напевал себе под нос арию Каварадосси из оперы «Тоска». Уже совсем стемнело. Он шел впереди нас, слегка покачиваясь, и Костя боялся, что он уронит из рук патефон.

Ее окна были закрыты ставнями.

Когда мы возвращались с Костей, я сказал ему:

— Вот видишь эти окна, там живет моя девушка.

— Как ее зовут? — спросил Костя.

— Неля. Она старше меня на полгода.

— Бывает, — сказал Костя.

— А у тебя была когда-нибудь девушка?

— Разве до этого было? Война же...

— А я ее очень люблю, — сказал я. — По ночам все время о ней думаю.

— С нами служили девушки, — сказал Костя, — но они все взрослые были.

— Ничего, Костя, — успокоил я его, — война уже кончилась, началась мирная жизнь, так что у тебя тоже будет девушка.

— Да не в этом дело. Рано еще об этом думать, — сказал Костя. — Мне сестер надо найти, учебу закончить, а дальше посмотрим...

— Насчет школы не волнуйся, я тебе помогать буду. За год два класса пройдем.

— Спасибо.

— Спать не хочется, — сказал я. — Может, погуляем еще?

— Поздно уже...

— Ты же обещал рассказать, как воевал.

— Долго рассказывать, за ночь не успею, — улыбнулся Костя. — Как-нибудь я тебе все расскажу.

— Костя, скажи, если она моя девушка — значит, я должен ее защищать?

— Не знаю, — улыбнулся Костя, — я в этих делах не очень понимаю.

— Но ведь он силу применяет.

— Кто?

— Пахан. Она не хочет с ним дружить, а он всех бьет. И пугает ее все время. Она мне сама жаловалась.

— Это тот, с мотоциклом, что ли?

— Да.

— А если он тебе товарищ, то почему же твою девушку обижает? — спросил Костя.

— Он еще не знает, что она моя. Об этом никто не знает. Только ты...

Мы подошли к дому.

— Совсем запутанная история, — улыбнулся Костя. Он замолчал, потому что в его окне горел свет.

Мы заглянули в окно. На столе лежала большая белая коробка, рядом консервные банки и несколько буханок хлеба. На канапе сидели два солдата.

— Ребята приехали, — Костя торопливо пожал мне руку, — завтра поговорим.

— До свидания, Костя, — произнес я, наверное, очень грустным голосом, потому что он сказал:

— Да не вешай носа! В конце концов разберетесь в обстановке. Все же свои.

— До свидания, — сказал я. — Иди, Костя, ждут тебя.

Он пошел к воротам. Я тоже зашагал через пустырь.

— Элик, — он вдруг окликнул меня. Я оглянулся. Он стоял в воротах. — Элик, — сказал он, — ерунда все это. Выбрось из головы.

Я подошел к нему.

— Как же выбросить? — спросил я. — Я же люблю ее.

Он не знал, что сказать мне.

— Кто же должен ее защитить? — продолжал я. — Он же проходу ей не дает. А мне перед ней стыдно.

— Да, — сказал Костя.

Мы разошлись...

21 августа

Сегодня я проснулся очень поздно. Как будто чувствовал, что нужно накопить сил побольше. Наших я нашел на пляже.

Пахана среди них не было. Мотоцикла тоже. Хорек с Рафиком лежали рядом.

— Ты почему не пришел вчера, когда тебя звали? — спросил Хорек и почему-то усмехнулся.

— Я у бабушки был. А что случилось?

— Пахану не нравится твое поведение. Нарушаешь дисциплину. Жратву не приносишь. Сегодня опять не принес?

— Забыл... — Я действительно забыл про еду. — Завтра принесу сразу за три дня: и за вчера, и за сегодня, и за завтра.

— Принести надо, — согласился Хорек. — Но все равно будем решать твой вопрос.

— Решайте, — сказал я. — А где Пахан? Мне с ним поговорить надо.

— Он скоро придет, — Хорек усмехнулся, — но очень занят будет.

— А чего ты улыбаешься все время? — спросил я.

— Настроение у меня хорошее, — Хорек опять усмехнулся и пошел купаться.

Рафик пошел за ним.

Юрка тоже был в воде. Я сел на песок и почувствовал, что у меня дрожат ноги. Я прямо видел, как они трясутся. Юрка заметил меня и вылез из воды.

— Понравились стихи? — спросил он после того, как мы поздоровались.

— Какие стихи?

— Я вчера стихи на столе у вас оставил. Зашел после работы, а тебя не было дома. Отец не сказал тебе?

— Я очень поздно пришел. Не видел его.

— Хорошие стихи, — сказал Юрка, — то, что нужно. Ей обязательно понравятся.

— А где ты их взял?

Юрка замялся.

— Сам написал, — признался он. — Я давно их пишу.

— Про любовь?

— И про любовь тоже есть, но мало.

— А про что?

— Про людей, про природу, труд. Ну, такие, как ты хотел. Хочешь, я тебе прочту?

— Сейчас не надо, — попросил я его. — А потом обязательно прочтешь... Я хочу с Паханом поговорить про Нелю. — Юрка вытаращил на меня глаза. — Чтобы он не приставал к ней. Она сама попросила меня об этом. Пусть, говорит, оставит меня в покое.

Юрка удивился еще больше.

— А она знает уже про тебя?

— Да, она все знает. Я ей сказал.

— Ты молодец! — обрадовался Юрка. — Я же говорил — надо брать на абордаж... А как это получилось? Ты прямо так и сказал ей про все?

— Она по почерку узнала. Письмо же у нее было.

— А-а? — Юрка даже подскочил от восторга. — Здорово получилось?

— Слушай, только ты пока не говори никому, — попросил я его. — Пока я с Паханом не поговорю.

— А ты обязательно хочешь с ним поговорить? — спросил Юрка. — Может, не надо? Он же... Сам понимаешь...

— Обязательно, — сказал я твердо. — Иначе я себя уважать не буду.

К нам подошел Рафик.

— А ты знаешь, где вчера была твоя Нелька? — спросил он у меня.

— Не твое это дело, — сказал я. — И отойди отсюда, я не хочу с тобой разговаривать.

— Она к Пахану на свидание ходила, — сказал Рафик.

— Врешь!

— А ты почитай, что на стенке рядом с каланчой написано.

Я посмотрел на Юрку.

— Я ничего не видел, — сказал Юрка. — Честное слово!

— Никто не видел, — сказал Рафик, — мне Хорек сказал. Они у каланчи сидели весь вечер. Гусик пел для них, а Хорек на «атанде» стоял.

— Врешь ты все! — сказал я.

— Сейчас сам увидишь... Он за ней поехал.

— Отойди отсюда, — сказал я, стараясь не заплакать. — Я же сказал тебе, отойди!

— Ты не слышишь, что ли? — спросил его Юрка. — Тебе же говорят.

Он отвел Рафика в сторону, что-то шепнул на ухо и вернулся ко мне.

— Все женщины склонны к измене, — сказал он, чтобы успокоить меня. — Ты знаешь, я не хотел тебе говорить, но сейчас скажу, — продолжал Юрка. — Я же тоже ее любил, но потом понял, что она не для меня. У них денег полно.

— При чем тут деньги? — сказал я.

Послышался треск мотоцикла. Потом он появился из-за горки и понесся к пляжу. Сперва мне показалось, что Пахан сидит на нем один и на заднем сиденье никого нет. Потом я увидел руки, которые держались за его рубашку, и начал молить сам не знаю кого, чтобы это была не она, а какая-нибудь другая девушка.

Но это была она. Они промчались мимо нас и остановились метрах в двадцати. Сперва слезла она, потом он. К ним подошел Хорек.

— Элик, — услышал я Юркин голос, — не обращай внимания. Она тебя не стоит.

— Юрка, но ведь она сама мне сказала, — прошептал я, — чтобы я защитил ее от Пахана.

— Пойдем домой, — попросил Юрка. — Что нам здесь сидеть?

— Нет, — сказал я, — я хочу, чтобы она меня увидела.

Я встал на ноги.

— Не надо, — умоляюще сказал Юрка.

Я оттолкнул его и пошел к мотоциклу. Юрка догнал меня и обхватил за плечи.

— Пусти! — крикнул я. — Я хочу с ней поговорить!

Я рванулся из его рук и оказался рядом с ними.

— Неля, — сказал я, — можно тебя на минуту?

Она не знала, что мне ответить. О Пахане я вспомнил только, когда она бросила на него испуганный взгляд.

— Отойди, — сказал он мне так, будто я мешаю ему пройти в дверь.

— Почему? — спросил я. — Я хочу поговорить с Нелей.

— А она не хочет с тобой говорить, — спокойно ответил Пахан. — Иди отсюда.

Я посмотрел на них. Все зависело от нее. Если бы она сказала, что согласна со мной поговорить, все могло бы кончиться по-другому. А она смотрела в землю, разглядывала полосу, которую оставило на песке колесо мотоцикла.

— Неля, — спросил я, — ты не хочешь со мной поговорить?

Она бросила взгляд на меня, потом на него, а потом снова уставилась в эту полоску на песке.

Тогда он ударил меня. Я замахал руками в ответ, забыв даже сжать их в кулаки, но бил изо всех сил, надеясь хоть раз попасть ему по роже. Потом я упал. И он бил меня ногами. Я был в полном сознании, но почему-то не мог подняться; лежал на боку, прикрыв одной рукой голову, и понимал, что он бьет меня ногами, но боли не чувствовал. И ничего не слышал. Ни ее

крика (Юрка сказал мне, что она кричала), ни ругани Пахана, ни звука ударов...

Потом они сели на мотоцикл и уехали.

Ребята подошли ко мне. Даже Хорек хотел помочь мне подняться с земли. Но я оттолкнул всех и пошел с пляжа...

На деревянной стене у каланчи я прочитал: «Аркадий — Неля. 20.8.45 г.» Это означало, что они действительно вчера сидели здесь, а Гусик пел им песни...

Дома никого не было. Я лег на свою кровать и заплакал.

Разбудила меня мама.

— Элик, что случилось? — спросила она. — Кто тебя побил?

Я увидел, что вся моя подушка, майка и даже брюки в крови...

Мама обняла меня.

— Мальчик мой, скажи мне, что у тебя стряслось? Кто тебя побил?

Я лежал, уткнувшись ей в колени, и молчал.

— Ты не знаешь этих людей, — сказал я наконец. — Они чужие.

— Как чужие? А где это произошло?

— На пляже.

— С кем ты был?

— Один.

— Элик, ты врешь! Ты что, не хочешь мне сказать правду?

— Нет, — сказал я.

Мама встала с кровати и вышла из комнаты. Я был настолько без сил, что снова уснул. Наверное, у меня поднялась температура, раз я так легко засыпал.

Проснулся я от голоса за дверью и жужжания машинки. Это были папа и дядя Шура.

— Я так считаю, — говорил дядя Шура, — если я

один и он один, то лучше нам стать одной семьей. Я пришел к вам за советом. Вы знаете меня двадцать лет и должны мне дать совет.

— Понимаешь, Шакро, — папа иногда называл дядю Шуру его грузинским именем, — это такое дело, что тут советом не поможешь. Надо поступать так, как велит сердце.

— Еще неизвестно, он согласится или нет, — сказал дядя Шура.

— Надо вам познакомиться поближе, — сказала мама.

— Это обязательно, — сказал дядя Шура. — Я вчера весь вечер был у него с вашим Эликом.

— Дети очень сложное дело, Шура, — сказала мама, тяжело вздохнув. — Ты берешь на себя большую ответственность.

— А где я еще найду такого мальчика? — спросил дядя Шура. — Потом всю жизнь буду жалеть. Если он согласится, то я счастлив буду.

— Да, мальчик хороший, — согласилась мама.

— Второго такого нету, — с гордостью сказал дядя Шура.

— Шуре нужен сын, — сказал папа маме. — Сколько он может жить один?..

— Конечно, нужен, — согласилась мама. — Но не так это все просто, как может показаться...

Она подошла к двери и плотно прикрыла ее. Их стало плохо слышно. Голова сильно болела и кружилась. Я закрыл глаза...

Когда я открыл их снова, рядом сидел Леня Любарский.

— Который час? — спросил я.

— Одиннадцать... Очень больно?

Я покачал головой.

— Они будут топить тебя, — сказал Леня, и по ще-

кам его потекли слезы. — Хорек сказал всем, что тебя выгнали из отряда, и с завтрашнего дня все будут тебя топить.

— А чего ты плачешь? — сказал я. — Мне теперь все равно. Пусть топят.

Леня продолжал плакать.

— Не надо плакать, — попросил я и почувствовал, что у самого навертываются слезы. — Что ты плачешь?

Он обнял меня.

— Я тебя всегда буду помнить, Элик, — сказал он. — Всю жизнь... Ты настоящий человек... — больше он ничего сказать не мог, только всхлипывал.

— А мне действительно все равно, — сказал я. — Я не вру... Я больше не боюсь их... пусть топят...

22 августа (записано 29 августа)

А ночью мне приснился сон, что мы катались все на яхтах. И даже Пахан с нами. И она тоже... Мы с ней сидели на отдельной яхте...

Я опять встал поздно, чтобы успели уйти на работу родители. Папа подходил к моей кровати утром, но я сделал вид, что сплю. Когда они ушли, я, не умываясь, подошел к окну.

Все были в сборе, делили еду у каланчи. Бедный Леня тоже был с ними.

Из ворот части вышел Костя. Он перешел пустырь и зашел в ворота своего двора.

Я посмотрел на себя в зеркало нашего трельяжа: лицо опухло от слез и ударов, верхняя губа была сильно разбита, на подбородке и на правом ухе осталась засохшая кровь. Когда я полотенцем вытирал ее, то увидел в зеркале, что рука моя движется спокойно и даже замедленно. Это мне понравилось. Я уже знал, как буду вести себя в дальнейшем, и поэтому мне нравилось,

что я могу спокойно вытирать
не жалеть себя при этом. Мне
в зеркале не дрожит от страха
не боюсь их больше...

Потом я вышел на пуст
нее, сидели у бассейна и
шел к деревянной стен
новая надпись: «Арка

Я подошел к ба
подошел ко мне.

— Ты... гни
ряд и ходил

Я молча

— По

Я опя

Они
Я бар
лась
нач
тол
Я

лли они, хотя я и сейчас не мо-
ан посмел поднять на него ру-
Он же воевал на фронте». Мне
слова Пахану, но на самом
неподвижно, а Пахан бил
нее и старше его. Костя
имал, что это безнадеж-

чел в их сторону.
лю. Он сам тоже
Они продолжали
льно, обеими
его лицо.
од ним и

делал:
с Па-
пре-
его

ел

двух метрах, покачиваясь от усталости и готовые снова броситься друг на друга.

— Может, хватит?! — сказал Костя.

Пахан смотрел на нас с ненавистью. Меня тошнило. Я еле держался на ногах. Если бы он напал на нас еще раз, я бы не смог даже рукой пошевелить.

— Пошли, — сказал мне Костя. — Нечего тебе тут делать. — Он повернулся и пошел к своему дому.

Я пошел за ним. Через несколько шагов я оглянулся. Пахан стоял на том же месте, сжав кулаки. Остальные смотрели на него, ждали, что же он сделает. Они, как и я, знали, что он обязательно что-то сделает. Никогда он не потерпит, чтобы на глазах ребят все так кончилось. Я был уверен, когда шел за Костей, что Пахан опять нападет на нас. Но топота сзади не было, и это немного успокоило меня.

Я шел вслед за Костей, пока не услышал крика Лени. Мы обернулись одновременно — Костя и я — и увидели, что Пахан стоит на том же месте. Я ничего не мог понять.

— Элик, — услышал я крик Лени, — у него револьвер!

И только тогда я увидел, что Пахан что-то держит в руке.

— Негодный, наверное, — сказал я.

И тут же раздался выстрел. Упал Костя. Они бросились врассыпную. Пахан побежал к оврагу.

Я щупал тело Кости и не мог понять, куда попала пуля. На мокрой от пота гимнастерке кровь проступила не сразу. И только после того как проступила кровь, я увидел, что пуля попала ему в грудь.

Костя открыл глаза.

— Это револьвер милиционера, — сказал я, как будто сейчас имело значение, из какого револьвера его ранили.

Нас окружили люди. Подняли Костю на руки. Понесли. Я пошел вслед за ними.

Его увезли в больницу. Меня в машину не взяли...

Через час меня допрашивал следователь. Он сидел за столом управдома в его подвале.

— Ты знал, что у Аркадия Резчикова есть револьвер?

— Нет.

— За что они тебя топили?

— Пахан приказал.

— За что?

Я молчал.

— Бандит тяжело ранил твоего товарища, а ты молчишь, — сказал следователь. — Ты что, не понимаешь, что этот Пахан бандит. Он же связан со взрослыми уголовниками. Ты знаешь, что мотоцикл, на котором вы все катались, краденый?

— Нет.

— Краденый... А револьвер, из которого он стрелял, — личное оружие старшины милиции. Преступники совершили на него покушение на вашем пустыре и украли револьвер. А теперь, оказывается, это сделал Пахан или его взрослые дружки... Так за что он приказал тебя топить?

— Из-за одной девочки.

— Какой девочки?

— Нели Адамовой.

— А какое она к тебе имеет отношение?

— Никакого.

— А к Резчикову?

— Она ему нравится.

— А тебе?

— Тоже.

— Понятно, — сказал следователь. — Ну ладно, иди. Только будь дома, можешь еще понадобиться.

Я вышел в коридор. На скамейке вдоль стены сидели все члены нашего «отряда». Они вскочили на ноги и окружили меня.

— Ты сказал ему, что мы не дрались с вами? — спросил Гусик.

Хорек и остальные испуганно ждали моего ответа.

Я молчал. Тогда они заговорили все сразу, перебивая друг друга:

— Откуда мы знали, что у него револьвер?

— Мы не дрались! Он один с вами дрался.

— Нам что говорили, мы то и делали.

— Он нас тоже бил.

— Мы боялись Пахана.

Они пытались доказать мне, что ни в чем не виноваты. Один Леня сидел спокойно.

— Не бойтесь, — сказал я. — Ничего вам не будет... Дайте пройти...

У двери меня догнал Хорек. Он боялся больше всех.

— Элик, — сказал он, — ты сказал следователю, что я вместе с тобой помог Лене. Помнишь, ты приходил ко мне...

Я ничего не ответил ему и вышел на улицу...

В больницу меня не пустили.

— Нельзя, мальчик, — сказала мне дежурная. — Потом придешь, когда полегче ему станет...

А через неделю его из больницы перевезли в военный госпиталь, а оттуда повезли в часть, к боевым друзьям. Я так и не увидел его больше.

29 августа

Сегодня за Костиными вещами приехала машина из части. Управдом открыл дверь, и усатый сержант, фотография которого висела у Кости на стене, собрал в вещмешок его пожитки и отнес в машину. Вокруг стоя-

ли наши соседи, все, кто был дома, и взрослые и дети. Я хотел помочь сержанту, но он оттолкнул меня.

— Полвойны прошел человек, ни одной царапины не получил, а вы тут чуть не загубили его...

Он положил мешок на заднее сиденье, сел рядом с водителем, и машина, рванув с места, уехала, оставив меня посреди пустыря.

Я пошел домой. Наверное, я шел очень медленно, потому что, когда услышал свое имя и обернулся, взрослых на пустыре уже не было, а за мной, растянувшись в цепочку, плелась вся наша бывшая компания...

г. Баку

ПОВЕСТЬ

СПОКОЙНЫЙ ДЕНЬ

В августе сорок четвертого года еще одна деревушка в Западной Белоруссии была освобождена. Фронт передвинулся дальше на запад, а деревушка осталась дотлевать в желтых, не тронутых огнем хлебных полях. Над пепелищами покинутых изб курились седые дымки, прямые тени которых, отбрасываемые яростно палящим солнцем, были жирнее и гуще самого дыма. Перегретый воздух под воздействием собственного тепла колыхался над останками деревни, над белой каменной церковью на холме, чудом уцелевшей от огня и снарядов. В мареве контуры церкви казались зыбкими и оплавленными жарой. За церковью, мимо деревни текла небольшая и равнодушная к жаре и войне речка.

На поля, простирающиеся по всему обозримому пространству до темнеющей вдали полоски леса, смотрел с колокольни молодой солдат с биноклем на груди. Одна нога солдата была забинтована, на ней не было сапога. Он подробно, с удовольствием любовался открывшимся перед ним видом и медленно разворачивал свое туловище то в одну, то в другую сторону. Ему нравилась спокойная от боев природа. Некоторое время он задержал свой взгляд на каменном строении с двумя башнями, которое возвышалось в полукилометре от церкви, потом принялся разглядывать его в бинокль.

Вдруг солдат прислушался: ему показалось, что его зовут. Он проворно поднялся и, прыгая на одной ноге, спустился вниз, в церковь.

Здесь на двух шинелях лежал второй солдат, с сержантскими нашивками. Он был ранен в грудь и поэтому лежал на спине, уставившись глазами в расписанный свод.

— Ты чего? — спросил его хромой. — Звал меня?

— Нет, — сержант, занятый своими мыслями, даже не повернул головы.

— Колер хороший, — сказал хромой, посмотрев на роспись, украшавшую стены церкви.

— Какой колер? — спросил сержант.

— Основа другая, — пояснил хромой. — Все от основы зависит. На чем краску составишь, такой и результат. Для колера основа — главное дело.

— Ты бы на лица их смотрел, на глаза, — устало и снисходительно сказал сержант: он был образованным человеком. — А ты — колер!

— Вижу я, — не обижаясь, успокоил его хромой. — Я про другое говорю. Сколько лет прошло, может, сто или двести, а краска свежесть не теряет — натуральная. А сейчас — сплошная химия. Я как раз последний заказ в июне сорок первого выполнял. Профессор ключи мне оставил, сказал: «Вот тебе, Андрей, моя квартира, отдыхать еду в Кисловодск на два месяца, делай из нее что хочешь. Только чтобы без трафарета». Я ему отвечаю: «Профессор, альфрейщик на трафарете не работает. Езжайте спокойно. Конфетку сделаю из вашей квартиры». Позвал я Карлушу, брата своего...

— Тоже маляр?

— Не маляр, а альфрейщик, — поправил хромой, — седьмого разряда. Мы только кистью работаем, трафарет не признаем. Карлуша...

— Слушай, — прервал хромого сержант, — знаю я эту историю. Одну комнату закончили — и война началась. Да?

— Да... Откуда ты знаешь?

— Знаю. — Сержант, отвернувшись от хромого, опять уставился в свод церкви — дал понять, что не расположен к беседе.

— Ну откуда ты знаешь? — еще раз спросил хромой и тоже принялся разглядывать разрисованный свод. — У всех глаза одинаковые, — пришел он к выводу и, подойдя к стене, колупнул ее. Потом он запрыгал по церкви, издавая четкий цокающий звук своим кованым сапогом.

— Ты можешь посидеть спокойно? — спросил его сержант с плохо скрываемым раздражением.

Хромой перестал прыгать и попытался опять завязать разговор.

— Там дом какой-то стоит, с башнями, — сказал он. — На этот... как его... на замок похож.

— Где?

— Да с полкилометра будет.

— Ну и что?

— Посмотреть надо.

— Зачем? — Непоседливость и болтливость хромого выводили сержанта из себя.

— Просто...

Хромой подождал, что скажет сержант, но тот промолчал и закрыл глаза.

— Я быстро, — сказал хромой.

Сержант молчал.

— Ты спишь, что ли? — спросил хромой. — Ну я пошел. — Он несколько раз цокнул своим сапогом, но сержант даже не открыл глаз.

Хромой не был уверен в том, что пойдет осматривать дом с башнями, он завел этот разговор, чтобы вытянуть из молчаливого сержанта хотя бы несколько слов.

— А чего ты злишься? — спросил хромой. — Чего в этом плохого? Загляну туда — и назад. А хочешь — вообще не пойду. С тобой посижу. А?

Хромой с надеждой посмотрел на сержанта. Тот продолжал молчать. Хромой доскакал на одной ноге до входной двери. Здесь на пороге лежал его самодельный костыль.

— Жара, — огорченно вздохнул хромой, выглянув наружу.

Ему явно не хотелось вылезать на солнце из прохлады церковного помещения. Но непоседливость и дух противоречия, сидевший в нем, заставили его все же поднять костыль и скакнуть за порог церкви...

Сержант открыл глаза. Грустные глаза интеллигента, остро ощущающего неестественность своего военного существования даже на четвертом году войны, когда, казалось бы, ко всему уже можно было привыкнуть.

Сверху на него с пониманием смотрели лица святых, и, хотя сержант был убежденным атеистом, это приносило ему облегчение. Святые нравились сержанту своей молчаливостью. Их красоты он не видел — ранение и усталость походной жизни сделали его равнодушным к любой красоте. Только покой и молчаливое сочувствие нужны были ему сейчас...

Снаружи послышался шум и голос хромого, прерывающийся от напряжения.

— Ну что, скушал? — говорил он кому-то. — Никуда не денешься... Цепляйся не цепляйся — все равно ничего не получится... Вот так... Против силы не попрешь...

Сержант повернул голову к двери. Но в ярко-солнечном прямоугольнике видно было только небо...

Хромой разговаривал с большим фанерным ящиком, который он волочил за собой по пыльной дороге. Перекинув через плечо привязанную к нему веревку, он передвигался по направлению к церкви короткими, дер-

гающимися рывками — энергично отталкиваясь от земли здоровой ногой и костылем.

Затем хромой отвязал веревку и заковылял ко второму ящику, который лежал на дороге метрах в ста от церкви. Он подтащил его к первому и опять отвязал веревку.

Ящики цеплялись за неровности дороги, и именно тогда хромой для облегчения души беседовал с ними. Он весь взмок от пота и покрылся пылью, но, видимо, все же ящики были нетяжелые, если ему удалось притащить их.

Пятясь задом, он появился в дверном проеме и начал втаскивать ящики в церковь.

— Что ты притащил? — встревоженно спросил сержант: он ждал от хромого любого сюрприза.

— Картины, — сказал тот.

Напрягшись, хромой перевалил через порог большой ящик.

— Какие картины?!

— Хорошие... Там еще три ящика осталось...

Хромой выволок ящик на середину церкви и, не давая себе отдыха, заковылял за вторым.

— Увезти хотели, гады! —пояснил он на ходу сержанту. — Заколотили в ящики, а погрузить не успели.

Затем он втащил второй ящик и присел на минутку перевести дыхание. Сержант отвернулся.

— Сейчас я их расколочу, — бодро сказал хромой. — Посмотрим, чего они там наворовали. Небось хорошие картины. Плохих они не воруют... Глянь-ка, что тут написано... Слышишь...

При всем своем нежелании вступать в разговор сержант, не поворачивая головы, раздраженно спросил:

— Зачем ты их притащил сюда?

— Как зачем? — удивился хромой: вопрос сержанта озадачил его, он был уверен, что затея с картинами

понравится образованному сержанту. — Ты же любишь картины, — сказал он.

— Ну и что?! Какое тебе дело до этих картин?! Ты что, совсем сдурел?! На кой черт сейчас нужны эти картины! За ними обязательно кто-нибудь припрется сюда. — Раздражение, накапливавшееся в сержанте, наконец прорвалось; он даже попытался приподняться на локте, но боль в груди остановила его, и сержант опять откинулся на спину и замолчал.

— Никто не припрется, — простодушно сказал хромой. — А чего они там пропадать будут?.. Не съедим же мы их. Посмотрим только... Погоди-ка, у тебя весь бинт сбился. — Хромой наклонился над сержантом и против его желания принялся поправлять повязку на груди...

...По дороге, петляющей в хлебных полях, катил «газик». Заднее сиденье занимали двое штатских: пожилой грузный мужчина с бородой и женщина лет сорока — с коротко подстриженными волосами. Впереди, рядом с водителем, сидела девушка в военной форме, с зажатой между коленями винтовкой, то ли казашка, то ли киргизка.

Бородач и женщина беседовали вполголоса.

— Надо было нам настоять на своем, — вздохнула женщина.

— Да, странную позицию они заняли, — согласился мужчина. — Я сам видел у штаба несколько грузовых автомобилей.

— Николай Иванович придает этим картинам большое значение.

— Придется переночевать в штабе, чтобы утром опять не началась волынка с машиной.

— А в эту они никак не поместятся? — Женщина окинула взглядом «газик».

— Вам же ясно сказали, — вмешался в разговор водитель, — для груза утром дадут другую машину. А у меня времени нет. Я вас доставлю — и назад.

— То есть как назад? — заволновалась женщина. — Мы тоже не собираемся оставаться.

— Ваше дело, — сказал водитель. — А меня в штабе ждут.

— Зачем вы спорите? — сказал женщине бородач и сделал ей знак глазами. — Товарищ водитель прав. Мы только убедимся в наличии картин — и обратно.

— Что-то долго мы едем, — сказала женщина. — Как бы нам вообще не туда приехать. — Она покосилась на шофера.

— Не надо его злить, — шепнул бородач и сказал негромко: — А по-моему, мы едем правильно!

— Вон он! — шофер мотнул головой вправо.

— Где? — недоверчиво спросила женщина.

— Вон там, — показала рукой девушка. — Видите дым? Это деревня, а рядом церковь, видите?

— Да.

— А правее, видите, там, где лес, дом с башнями?

— Вижу, — кивнул бородач.

— Я тоже вижу, — обрадовалась женщина.

— Туда и едем, — сказал шофер.

...Мужчина с бородой и его спутница, обнаружив в доме с башнями лишь два ящика с картинами вместо пяти, выскочили во двор, где у овального бассейна с потрескавшимся от жара дном их ждал «газик».

— Ну что, поехали? — спросил шофер.

Он стоял посреди двора, засунув руки в карманы. Девушка спала в машине. Она возвращалась в свою часть из штаба дивизии и до того, как подсела в случайный попутный «газик», долго шла пешком.

— Пропала часть картин, — пожаловался шоферу

мужчина. — Должно быть пять ящиков, осталось только два.

— Вон еще один лежит, — кивнул шофер на ящик, лежащий в другом конце двора, у начала липовой аллеи. — Может, тоже с картинами...

К ящику вела широкая полоса взрыхленного гравия: видно, его волокли по двору.

— Третий! — сказал мужчина, прочитав немецкие надписи на ящике. — Не хватает двух.

— Туда их уволокли, — шофер показал на полосу, ведущую от ящика в глубь аллеи. — Видите, какой след остался?.. — След вывел «газик» на дорогу, идущую к церкви.

— Что будем делать? — спросил шофер.

— Надо ехать дальше, — решительно сказала женщина.

— Нет! Так дело не пойдет! -- остановил машину шофер. — Я назад должен ехать. Нет у меня времени ваши ящики искать. Может, их в Минск увезли?

— Давайте хотя бы до церкви доедем, — попросил мужчина. — Для очистки совести.

Шофер переключил скорость, и «газик» покатил к церкви.

Он остановился метрах в десяти от нее. Мужчина с бородой и женщина вылезли из машины. Девушка в форме, чтобы выпустить их из машины, тоже вышла.

— Так и есть, туда ведет, — бородач показал на след от ящика, который кончался у входа в церковь.

— Пошли, — сказала женщина.

— Я тоже пойду с ними, — сказала девушка шоферу. — Может, там кто-нибудь спрятался...

— Иди, если хочешь... Да кто там может быть?

И в этот момент с колокольни раздался крик:

— Стой! Кто такие?

— А ты кто такой? — спросил в ответ шофер. Он

уже спрятался за машину с винтовкой в руке. Девушка залегла рядом.

— Свои! — крикнула женщина.

— Вижу, что свои, — ответил голос с колокольни. — Чего хотите?

— Я тебе покажу «чего хотите»! — разозлился шофер. — Ты что людей пугаешь?

— А кто вас знает, кто вы такие!

— Ты что, форму не видишь? — Шофер вышел из-за машины и занял свое место за рулем.

— А эти кто такие?

— Мы из райисполкома, — объяснил мужчина. — Нас за картинами прислали.

— Какими картинами?

— Немцы не успели вывезти ценные картины. Мы командированы за ними.

— Ну?..

— Не хватает двух ящиков... — пояснила женщина. — Следы ведут сюда, в церковь... Мы должны их забрать.

— Документ есть?

— Какой документ? — спросили штатские.

— А такой, что картины вам полагаются...

— Товарищ, я же вам объясняю. Нам поручили отвезти картины в музей, — бородач осмелел, так как понял, что непосредственной опасности погибнуть нет.

— Документ есть?

— Ты что там заладил «документ», «документ»! — крикнул шофер. — Говорят тебе люди, за картинами их прислали...

— А ты не лезь! — оборвал голос с колокольни. — Ты их знаешь? Может, они украсть хотят картины! По домам своим растаскать...

— Возмутительно! — сказала женщина. — Хулиганство какое-то.

— А вы чего без документа ездите? Кто вам на слово поверит?! — тихо, чтобы не было слышно на колокольне, упрекнул шофер.

— Мы же не знали, что их охранять будут...

Хромой с колокольни наблюдал за тем, как штатские в чем-то убеждали шофера, а тот, видимо, не соглашался с ними...

И вдруг снизу, из церкви, раздался голос раненого сержанта. Хромой, воспользовавшись замешательством штатских, спустился по лестнице на несколько ступеней, чтобы разобрать его слова.

— Что ты людям голову морочишь? Отдай картины, — потребовал сержант.

— Пусть бумагу привезут. Без бумаги не дам! — упрямо твердил хромой. — Я их на себе тащил. Даже осмотреть не успели.

— Сколько их человек?

— Четверо.

— На машине?

— Да.

— Я поеду с ними, — вдруг решил сержант и приподнялся на локте.

— Зачем? Не надо, Коля, — попросил хромой. — За нами же завтра приедут. Чем тебе плохо здесь?.. Картины посмотрим...

— Да провались ты со своими картинами! — Сержант попытался подняться на ноги и от напряжения тяжело закашлял...

— Как раз к утру успеете, — убеждал шофер штатских. — Все равно машины раньше не будет. А без документа вы ничего не получите.

— Вы как военный должны его убедить.

— А как убедишь? Стрелять, что ли?

— Что же получается, на него управы нет? — не найдя поддержки у шофера, бородач повернулся к девуш-

ке, которая виновато отвела глаза. — Девушка, может, вы с ним поговорите?

— Эй, райисполком! — донесся с колокольни голос. — Время зря не теряйте. Мотайте лучше за документом. Заодно раненого прихватите... Здесь раненый есть.

— Какой раненый? — встревожился шофер. — Машина полная. Куда я его дену?

— Ничего! Найдешь место.

— Товарищ солдат, у вас будут крупные неприятности, — сделал еще одну попытку убедить хромого мужчина.

На пороге церкви появилась согнутая от боли фигура сержанта.

Первой его увидела девушка. За ней побежал шофер. Потом штатские.

— Стой! Стрелять буду!

Винтовка хромого была внизу, и кричал он ради острастки.

— Не стреляйте! — крикнул бородач. — Здесь раненый.

— Стой, говорю! — приказал хромой и увидел сержанта: его вели к машине.

— Коля! — жалобно закричал хромой. — Подождал бы до завтра!

— Все не влезете, — сказал шофер после того, как сержанта усадили на заднее сиденье. — Скаты слабые. Один назад может сесть, еще один вперед.

Штатские переглянулись, посмотрели на девушку.

— Ладно, — сказала она. — Я останусь.

— Вы понимаете, у нас дел много. Документы, грузовая машина, — извиняющимся голосом сказал мужчина. — А то я бы остался.

— Лучше бы ты пешком пошла, — улыбнулся девушке шофер. — Быстрей было бы...

— Ничего, — успокоила она его. — Только ты наших предупреди. Позвони в часть...

Хромой сверху видел, как «газик» развернулся и запылил по дороге, оставив во дворе солдата с винтовкой.

— Коля, прощай! — крикнул хромой, искренне огорченный неожиданным отъездом сержанта.

Солдат, не выпуская из рук винтовку, сделал несколько кругов по вытоптанному добела пятачку перед церковью и остановился.

— Эй! — крикнул он, задрав голову, и увидел в небе приближающуюся точку — самолет. — Эй, ты сумасшедший?

Хромой удивился женскому голосу солдата.

— Нет! — крикнул он и тоже увидел самолет.

— А чего ты картины спрятал?

— Я не спрятал. Я посмотреть хочу.

— Ты что, художник?

— А почему ты решила? — И разговор прервался, потому что на крыльях самолета хромой и девушка разглядели свастику.

Самолет дал круг над церковью и пошел на снижение.

Первая бомба упала в сожженной деревне. Самолет сделал второй заход.

Хромой сбежал с колокольни. Он залег в поле, метрах в тридцати от церкви. Где-то недалеко притаилась девушка.

— Эй! — крикнул хромой. — Где ты?

— Здесь, — она помахала ему рукой.

Разорвалась вторая бомба. Уже совсем недалеко от них. Немец, видимо, метил в церковь. На хромого упало несколько комьев земли.

— Эй! — крикнул хромой после третьей бомбы. — Жива?

Девушка не ответила. Хромой поднял голову.

Самолет удалялся. Последнюю бомбу он сбросил на дом с башнями. Дом взлетел в воздух.

— Видела! — торжествующе закричал хромой. — Спас я картины! Пропали бы к дьяволу... Эй, где ты?! — он огляделся.

Девушка бежала к церкви.

Хромой поскакал наперерез.

Он догнал девушку у самой двери, оттолкнул ее и заскочил в церковь раньше. Девушка попыталась проскочить следом, но не успела: край ее гимнастерки оказался прищемленным дверью. Хромой ухватился за гимнастерку, потянул к себе, поднял железную скобу, воткнул острым концом в дверь, на другой конец насадил край гимнастерки и полез на колокольню.

Отсюда он увидел, как девушка дергается у двери в надежде освободить гимнастерку. Это рассмешило хромого. Девушка услышала смех.

— Отпусти! — сердито крикнула она и опять рванула гимнастерку. Но скоба держала крепко.

Винтовка девушки лежала на земле в двух метрах от ее ног. Но она не могла до нее дотянуться. А пыталась. Зачем ей понадобилась винтовка, хромой понять не мог, но с интересом наблюдал за тем, как она, вытянув ногу, пытается пододвинуть винтовку к себе. С яростью, неожиданной для такой хрупкой на вид девушки, она продолжала дергаться, как рыба на крючке...

Хромому стало жалко ее.

— Чего ты дергаешься? — крикнул он. — Бесполезное дело. Там такая скоба!

Девушка ничего не ответила ему. Она явно не понимала шуток.

— Да подожди ты! — успокоил хромой ее. — Сейчас сниму тебя с крючка, — и опять рассмеялся.

Девушка решилась вдруг на отчаянный шаг: расстег-

нув ремень, она выскользнула из гимнастерки и оказалась на свободе.

— Ну что, выкусил?! — закричала она со злорадством и добавила что-то по-казахски или по-киргизски, видимо, выругалась. Лицо ее покраснело, глаза еще более сузились.

Хромой смотрел на нее и смеялся. Уж очень комично выглядела эта девочка в сапогах, солдатских штанах и женской комбинации. Девушка еще больше разозлилась.

— Не смотри! — крикнула она хромому на непонятном ему языке. — Тебе говорю, не смотри.

Но хромой, не знающий ее языка и недостаточно воспитанный, смотрел. Смотрел на девушку с доброй улыбкой. Он уже не смеялся.

Она еще раз крикнула ему, чтобы он не смотрел, и опять от волнения на своем языке, потом обругала его по-русски и вдруг схватила винтовку.

— Ты чего ругаешься? — засмеялся опять хромой.

И, поскольку он продолжал смотреть, девушка вскинула винтовку и не целясь выстрелила.

Когда эхо выстрела затихло, наступила тишина. Слышно было только, как стрекотали кузнечики. Солнце стояло в зените. Был полдень.

Девушка с ужасом смотрела на колокольню, туда, где только что стоял хромой.

— Я же сказала тебе, не смотри, — уже по-русски растерянно проговорила она. На ее глазах выступили слезы. — Я же просила. Сам виноват...

Пуля попала в стену. Хромой был контужен в голову осколком камня. Он сидел, привалившись спиной к нагретой солнцем стене, и изумленно хлопал глазами. Снизу до него доносилось невнятное бормотание.

Хромой приподнялся и посмотрел вниз. Девушка сидела у входа в церковь и горько плакала.

Когда хромой открыл дверь, девушка даже не услышала. Он тронул ее за голое плечо. Она вздрогнула, обернулась. Он, смущенно улыбаясь, протянул ей гимнастерку.

— Ты сам виноват! — горячо сказала девушка, после того как миновала растерянность, и опять заплакала. — Я же кричала тебе: не смотри, не смотри! А ты смотрел...

— Ничего, до свадьбы заживет, — успокаивал ее хромой. — Хорошо, что камнем. Если бы пуля — концы отдал бы...

Он вытащил из кармана бинт. Девушка принялась его перевязывать. Вспомнила, что не одета, но перевязку не прервала.

Потом она вошла в прохладную церковь, надела гимнастерку и огляделась. У алтаря стояли два заколоченных ящика. В углу расстелена шинель. Она потрогала рукой один из ящиков с немецкой надписью на крышке и, не зная, что делать дальше, села на него. В открытую дверь она видела хромого, который сидел на солнце. Он не видел девушки, скрытой тенью, но продолжал улыбаться.

— Ну что? — крикнул хромой.

— Ничего... — ответила она из темноты.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Адалат.

— А меня Андрей... Ты откуда? — спросил он. — Какой нации?

— Из Казахстана.

— Это Алма-Ата?

— Да.

— Я во Фрунзе месяц жил, — сказал Андрей. — Дом пионеров оформлял.

— Я никогда в церкви не была. — Адалат с любопытством продолжала оглядываться...

А потом они сидели на колокольне. Андрей, подстелив под себя гимнастерку, загорал. Адалат рассматривала в бинокль окрестности. В перекрестьях полевого бинокля перед ней проплывали выжженные оранжевые поля, на горизонте их окаймляли сосновые леса.

— ...Я, считай, тоже мусульманин, — рассказывал Андрей. — Три года в Шемахе жил. Это откуда шемаханская царевна родом. Пятнадцать лет в Баку. А всего мне тридцать. Вот и получается — больше полжизни я среди мусульман жил. Я все их обычаи знаю: шахсей-вахсей, новруз-байрам, трауры разные... Девушка у меня азербайджанка была. Отец, правда, русский, но мать армянка...

— А ты сам откуда? Где родился? — спросила Адалат, продолжая смотреть в бинокль.

— В Саратове. Дядька мой на промыслах работал. Все писал нам, чтобы ехали к нему. Тепло, говорит, фруктов полно, народ невредный, верблюды по улицам ходят. Мать против была: куда, говорит, ехать с шестью детьми? Верблюд их покусает. А потом в двадцать шестом или двадцать седьмом, как начался голод на Волге — неурожай был, — так она согласилась. Четырнадцать лет мне было...

— А ты по-азербайджански говорить можешь?

— Совсем мало. В Баку разные нации живут, поэтому больше по-русски говорят, чтобы общий язык найти... Мэк севирэм знаю... Ты понимаешь, что я сказал?

— Понимаю, — Адалат смутилась и, чтобы скрыть это, не отнимала от глаз бинокля.

— А понимаешь — повтори по-русски, что я сказал, — не отступал от нее Андрей.

— Не скажу.

— Почему? Мен сени севирэм... Что это значит? Ну скажи.

— Не скажу.

— Значит, не знаешь... «Я тебя люблю» — вот что это означает. — Андрей помолчал, потом вдруг хохотнул. — А я ведь неженатый... — сказал он.

— Ну и что? — спокойно спросила Адалат.

— А если бы я в Алма-Ате жил, ты бы за меня замуж пошла?

— Нет! — Адалат упорно продолжала разглядывать в бинокль природу.

— Почему?

— Потому... ты русский.

— А я не посмотрел бы на то, что ты казашка.

— А я бы посмотрела.

— Все вы мусульмане такие! — обиделся Андрей. — Мы к вам с открытой душой, а вы...

— Что мы?

Окуляры бинокля, скользнув по лесу, полям, реке, сожженной деревне, остановились на лице Андрея. Чрезмерно увеличенное, оно помещалось в бинокле только частями: ухо и глаз, подбородок и шея, лоб, нос...

— А вы?! — продолжал обижаться Андрей. — Вот ты замуж за меня не хочешь пойти...

— А если бы ты был казах, я за тебя тоже не пошла бы.

— Это почему?

— Не пошла бы — и все.

— Это потому, что я болтаю много, да? Из-за этого. Я знаю. Меня все за это ругают. Говорят, голова от тебя болит...

Андрей вспомнил какие-то факты из своей жизни и, опечаленный, умолк.

— Что это у тебя? — спросила Адалат. Через би-

нокль она смотрела на шрам величиной с пятикопеечную монету на его шее.

— Дырка от пули.

— А это? — бинокль опустился ниже, на плечо Андрея, где синей тушью было наколото: «Не забуду мать родную и брата Карлушу».

— Наколка.

— А где тебя ранило? — Окуляры бинокля опять заскользили по окружающему ландшафту...

— Под Курском...

Некоторое время они молчали. Потом Андрей не выдержал.

— Пощупай, — попросил он Адалат и подставил ей свою макушку. — Пощупай, пощупай! Не бойся. — Он взял ее руку, приложил ладонью к своей макушке. — Видишь, какая мягкая! Там кости нет. Хрящ один. А под ним сразу мозги. Это тоже под Курском. Если бы твой камешек сюда попал, я тут же дуба дал бы.

Адалат, отложив бинокль, испуганно посмотрела на Андрея, который, радостно улыбаясь, увлеченно рассказывал ей о своем ранении.

— Полгода в тылу сидел из-за этой дырки. Потом уговорил докторов. Все равно, говорю, если что-нибудь на голову упадет — крышка мне, уж лучше на фронте умру... — Андрей рассмеялся своей шутке. — А вообще я везучий. Везет мне. Я солнцем лечусь, — объяснил он. — У меня против всех болезней главное лекарство солнце. Два раза меня ранило — оба раза летом. И под Курском, и сейчас. — Он пошевелил ногой. — Если бы зимой, не выжил бы... Одно плохо — голова от высоты у меня кружится. Для моей специальности это плохо. Трудно мне будет работать.

— А кем ты работаешь?

— Я альфрейщик. Почти художник. Я без трафарета работаю. По рисунку. Заказчик выбирает рисунок:

орнамент какой или цветы, а я исполняю. На стенках и потолке. Я не маляр. Маляр по трафарету шпарит или один цвет какой-нибудь дает. Понимаешь?

— Понимаю.

— Молодец. Мэн сени севирэм... — Андрей рассмеялся.

Адалат опять подняла к глазам бинокль.

— А у тебя есть кто-нибудь в Алма-Ате? — спросил Андрей.

— Нет.

— Если бы ты пошла за меня, я бы поехал с тобой в Алма-Ату, — продолжал болтать Андрей. — Мне без разницы. Что Алма-Ата, что Баку, лишь бы люди хорошие были. Возьмешь меня в Алма-Ату?

Адалат молчала.

— Ну чего ты молчишь? Возьмешь? Ну скажи? — Андрей сел, чтобы увидеть лицо Адалат. — Ну чего ты молчишь? Надоел я тебе болтовней?

Адалат отрицательно покачала головой.

— А то ты скажи, я сразу замолчу. Мне мать всегда говорит: «Эх, Андрюша, посадят тебя когда-нибудь за твой длинный язык». Я с милицией любил права качать. Если где скандал, то я тут как тут. Меня все милиционеры в Баку знали. — Андрей сделал паузу. — А у тебя кто есть? Отец, мать, брат?

— Мать и брат... Отец погиб.

— Понятно. Брат больше или меньше тебя?

— Меньше.

— Это хорошо... Карлуша, брат мой, всегда говорил: в жены надо брать сироту, чтобы родители ее жить не мешали. У меня тоже отца нет. Поэтому я с детства на все руки мастер. Вот возьмешь меня в Алма-Ату — я дом красивый построю из камня или деревянный. Какой материал будет, такой и построю. Стены разрисую, кухню кафелем обложу, таметом застелю... И зажи-

вем. — Андрей рассмеялся, непонятно было, шутит он или говорит серьезно. — Я детей люблю... А ты?

— Ой, лошадь! — сказала Адалат. — Смотри — лошадь, — и протянула Андрею бинокль.

Действительно, от разрушенного бомбой дома с башнями к церкви шла лошадь. Седла на ней не было.

— Лошадь! — обрадованно повторила Адалат и, вскочив на ноги, побежала вниз с колокольни. Андрей запрыгал за ней.

Когда Андрей выбежал на дорогу, Адалат уже скакала ему навстречу.

— Я тоже хочу! — закричал Андрей. Он попытался схватить лошадь за узду, промахнулся и, потеряв равновесие, сел на пыльную дорогу. — Стой! — закричал Андрей. — Стой!

Он вскочил, припадая на раненую ногу, устремился следом за Адалат. Та сидела на лошади легко и свободно и удалялась от него все дальше и дальше...

Адалат вернулась не скоро, усталая и счастливая. Подъехав к церкви, она соскочила с лошади и привязала ее у входа к каменному столбу. Поискала глазами Андрея. Он сновал среди изб погоревшей деревни. Подойдя поближе, она увидела, что Андрей вытаскивает из ящиков и развешивает на черных обуглившихся стенах изб картины.

— В церкви темно, плохо видно, — объяснил он Адалат, хотя она ничего у него не спросила. Подойдя поближе, Адалат тихо села на ступеньки обгоревшей избы.

— Картины свет любят, — продолжал Андрей, — в сырости их держать нельзя, краска разбухает. Вот, пожалуйста, попортилась... — Он показал на очередную картину — хорошо сохранившуюся копию работы, а мо-

жет быть, и сам оригинал одного из французских импрессионистов. — Размазалась вон, рисунок потеряла. А все из-за сырости. — Он не понимал, что огорчившие его дефекты вызваны манерой письма. — За картиной уход нужен... Ничего, повесим тебя на солнце, лучше будешь себя чувствовать. Но долго на солнце ей тоже нельзя — цвет выгорит. — Он повесил картину на стену рядом с двумя другими, уже висевшими здесь, отошел на несколько шагов назад, чтобы оценить их сочетание. Что-то ему не понравилось, и он поменял картины местами.

— Так будет лучше, — сказал он вполголоса то ли себе, то ли Адалат, которая внимательно следила за его действиями.

— Нужна гармония... Знаешь, что такое гармония?

— Знаю, — сказала Адалат. — Инструмент такой... Как баян.

— Не-ет, — рассмеялся Андрей, продолжая любоваться картинами. — Гармония — это когда верный цвет кладешь на верное место... Когда только этот колер можно, а никакой другой нельзя... И в жизни бывает гармония: лето, например, осень, зима, весна, опять лето... А когда сапог не жмет — это тоже его гармония с ногой... Все хорошее — гармония, — заключил он и повесил еще одну картину. — Город какой-то! Видно, не наш, заграничный. Ты по-немецки понимаешь?

— Нет.

— Тут написано что-то... Тысяча восемьсот шестьдесят два... Год, наверное. Ты смотри! — Андрей покрутил головой. — Чего только не пережила картина! Русско-японскую войну — раз, первую мировую войну — два, февральскую революцию — три, Октябрьскую революцию — четыре, а теперь через пятую войну проходит. Люди на фронтах гибнут, от болезней умирают, а она все живет и живет. И не сама живет, ей люди

жить помогают... Без них кому она нужна!.. Так просто... Она висеть должна на видном месте, чтоб каждый на нее посмотреть мог, порадоваться. А эти сволочи, немцы, ее в ящик заколотили, в темноту. А в темноте картина слепнет, как человек. Поняла? Люди искусство уважают. Без этого нельзя. Вот я с одним беседовал, когда в госпитале лежал, так он мне сказал: «Искусство для человека — как хлеб, без него люди давно бы уже лаять начали». Но... каждый день такую картину не нарисуешь. Значит, сохранить ее надо. Диалектика... А ты говоришь: лошадь. — Андрей добродушно, но с некоторым чувством превосходства улыбнулся Адалат.

— Я ничего не поняла, что ты сказал. И в картинах этих ничего не понимаю, — призналась Адалат, глядя на картины.

— Развиваться надо, — сказал Андрей. — К этому привычку надо иметь. Я тоже не понимал раньше, а потом привык. Сколько я их перевидел! Гостиницу оформляешь — картины висят. В министерстве каком-нибудь — тоже висят. И в домах висят... Много я их насмотрелся... А вот вы из-за своего Магомета пострадали — он запрещал людей рисовать. Поэтому и нет у вас тяги к этому делу. А русские когда иконы начали рисовать! Поэтому мы к краске тянемся, все хотим чего-то нарисовать!

— У нас в Казахстане тоже художников много, — сказала Адалат.

— Не без этого, — согласился Андрей. — Талант в каждом народе есть. Теперь вы быстрым темпом развиваетесь...

— Врешь ты все! — усмехнувшись, сказала Адалат. — Видала я таких художников! Маляр простой, а строишь из себя...

— Не маляр, а альфрейщик, — не обижаясь, поправил Андрей. — Если бы у меня образование было,

я все понимал бы. А так, конечно, трудно, знаний не хватает, — признался он.

— Напрасно только людей обидел...

— Каких людей? Этих... которые за картинами приезжали, что ли?

— Да.

— Правильно сделал. Им что картины, что картошка. За чем пошлют, за тем и едут. Образование есть, а души нету. Знай себе службу несут... А для таких дел, — он кивнул на картины, — душа нужна. Иной раз вот песню какую слушаешь или на природу смотришь — и даже плакать хочется от радости. Вот почему иная песня так глаза щиплет... Потому что она настоящая. Конечно, скажем, сочинил кто песню для денег, ну попоют ее люди немного, да и забудут. А настоящие песни сколько живут! И помнят их все. Может, даже и имя того, кто ее выдумал, забудут, а песню нет — поют.

Андрей вытащил из ящика очередную картину, но, обнаружив, что на ней изображена обнаженная, поспешно сунул ее назад и бросил взгляд на Адалат — не заметила ли. Потом достал и повесил другую картину, потом еще одну, переставил их, повесил новую... Он развешивал картины, как раскладывают пасьянс. Иногда отходил, чтобы оценить их сочетание, комментировал каждую картину и пытался придумать какое-то общее содержание для всех их вместе, как для одной большой картины...

Потом они купались в речке. Вернее, купалась Адалат. Андрей метрах в двадцати от нее прыгал за кустами по колено в воде, задрав раненую ногу. Солнце уже клонилось к западу. Жара чуть спала, однако нагретый за день воздух был сухим и горячим. Только у самой воды становилось прохладней. Верный себе Андрей не умолкал ни на минуту.

— А ты плавать умеешь? — спрашивал он.
— Нет! — кричала в ответ Адалат.
— В Алма-Ате моря нет?
— Нет!
— А в Баку есть!
— Знаю!
— А ты как в машину эту попала?
— По пути села.
— Я же говорю, везучий я! Поеду теперь с тобой в Алма-Ату жить... — Андрей помолчал немного. — Солнце уже садится. Пора на ночь готовиться. Потом темно будет. Ты где ляжешь? Не побоишься одна? Может, рядом ляжешь?.. Все равно же поженимся...
Адалат усмехнулась. Нырнула, тут же вынырнула, чтобы услышать следующий вопрос. Но вопроса не было. Из-за кустов не доносилось ни звука.
— Андрей! — крикнула она.
Молчание.
— Андрей...
Адалат вылезла на берег и поспешно натянула на себя одежду. Время от времени она продолжала звать Андрея, но он не отвечал. Схватив винтовку, Адалат побежала вниз по речке.
За кустами, там, где она оставила Андрея, его не было.
— Андрей! — испуганно закричала Адалат. — Андрей! Где ты?! — Ей стало страшно.
Андрей, улыбаясь, наблюдал за Адалат из-за кустов. Выждав еще немного, он крикнул:
— Здесь я!
Адалат подошла совсем близко, и он, воспользовавшись этим, зашел ей за спину.
— Здесь я! — крикнул он, радостно улыбаясь.
Адалат вздрогнула. Медленно повернулась к нему, в глазах ее мелькнула ярость и обида за свой испуг.

— Ты совсем глупый человек, — сказала она зло, глядя в смеющееся лицо Андрея. — Пустая башка...

Она повернулась и пошла в сторону церкви. Андрей захромал следом...

Немцев они увидели одновременно.

Семь эсэсовцев с автоматами, вытаращив глаза, смотрели на картины, развешанные на стенах сгоревших изб.

Андрей и Адалат бросились на землю. Колосья хлеба сомкнулись, закачались над ними.

Немцы разглядывали картины, переговаривались. Один, шевеля губами, читал на картинах надписи.

Двое стояли чуть в стороне и о чем-то вяло спорили.

Все семь немцев выглядели измученными вконец. Они, видимо, давно пробирались к своим и неожиданно оказались в советском тылу.

— ...Ты же сказала, что у тебя нет никого в Алма-Ате, — сказал Андрей.

— Там мама и брат.

— А муж где?

— На фронте... Здесь, недалеко...

— Как зовут?

— Федей.

— Русский, что ли?

— Да...

Андрей следил за немцами.

— Сейчас уйдут, — сказала Адалат.

— Как бы картины не тронули.

— Зачем им нужны картины?

— Им, гадам, все нужно. Дай-ка карабин.

— Зачем им картины? — повторила Адалат. — Они сейчас дальше пойдут.

Вдруг один из двух спорящих в стороне немцев — высокий унтер — ударил другого кулаком по лицу. Он сделал это устало и как бы нехотя. Тот, кого он ударил, медленно повалился на землю.

Остальные равнодушно смотрели на них.

Унтер ударил упавшего ногой.

— Сволочь! Сейчас, наверное, картины делить будут, — сказал Андрей и нацелил карабин на унтера.

— Не надо стрелять, — сказала Адалат. — Они сейчас уйдут. Их семь человек. Не надо стрелять...

— Если картины не тронут — не выстрелю...

Адалат внимательно посмотрела на Андрея. Она не верила в то, что он решится выстрелить. И все же очень боялась этого.

Унтер подошел к немцу, читавшему надписи на картинах, вытащил из кармана зажигалку.

— Жечь будет, сволочь! — сказал Андрей и припал к прицелу.

— Не надо! — шепотом вскрикнула Адалат и навалилась на карабин. Лицо ее оказалось рядом с Андреем — глаз к глазу.

— Пусти, — потребовал Андрей.

— Убьют нас, — жалобно сказала Адалат: она уже не сомневалась в том, что он выстрелит.

В темном пушке, покрывающем ее верхнюю губу, притаились капельки пота.

— Жалко... из-за картин умирать, — торопливо шептала Адалат. — Молодые мы... Картин еще много нарисуют... Не надо стрелять... Они уйдут... Мы останемся с тобой... Я не верила: а ты правда любишь картины. Но стрелять не надо...

Унтер прикурил от зажигалки сигарету и затянулся...

— А ты говорила, что я треплюсь! — сказал Андрей. — Да я за картины что хочешь сделаю...

— Теперь я верю.

— У тебя мальчик или девочка?

— Мальчик. Пять лет всего... Зачем погибать из-за этих картин?! У нас вся жизнь впереди. Я тебя обманула: мой муж на севере, далеко отсюда... Если ты не выстрелишь, они уйдут. Мы останемся с тобой... Ты мне сразу понравился... Ты хорошо рассказываешь.

Никто не смотрел на Андрея так ласково, как Адалат сейчас. Может быть, мать в детстве. Но он этого не помнил...

— Только не стреляй...

Удар о землю, донесшийся до них, помешал Адалат договорить.

Это долговязый немец, тот, который читал надписи, с силой бросил на землю одну из картин. Остальные безразлично наблюдали за ним.

— Ну, кто был прав? — сказал унтер. — Я же говорил, никого тут нет!

— Сейчас посмотрим, — упрямо пробормотал долговязый и подошел к следующей картине. — Сейчас посмотрим, — повторил он и, широко раскинув руки, взял другую картину, поднял ее над головой, откинул назад тело и, слегка покачиваясь, стал собираться с силами. — Сейчас вы убедитесь, — сказал он глухим от напряжения голосом и набрал в грудь воздуха...

Раздался выстрел, и долговязый, захлебнувшись воздухом, повалился на землю...

Раздались еще два выстрела, и еще два немца упали на землю. Остальные метнулись в разные стороны.

Наступила зловещая тишина.

— Надо достать винтовку с колокольни, — сказал Андрей.

Адалат послушно кивнула. Она была солдатом и знала, что теперь, после первых выстрелов, есть толь-

ко одна возможность остаться в живых — убить всех немцев.

— Не боишься? — спросил Андрей.

— Боюсь...

Немцы расползались по сожженной деревне. Зажав в руках автоматы, они оглядывались по сторонам, пытаясь понять, откуда стреляли. Но кругом было тихо.

Прекрасный, спокойный день был на исходе. Плескалась, играя в реке, рыба. Резали крыльями воздух ласточки. Андрей продолжал лежать на том же месте, поглядывая на колокольню. Когда над перилами колокольни мелькнул белый платок, он пополз к противоположному краю деревни, волоча несгибающуюся раненую ногу, и благополучно добрался до крайней избы, вернее, до ее обгоревшего остова.

Деревня казалась совершенно пустынной. Голо торчали закопченные трубы печей и обожженные деревья в бывших садах, кое-где еще тлели бревна. Андрей выглянул из-за дома. Немцев осталось четверо, это он знал точно. Было семь, осталось четверо. Андрей огляделся. У входа в ближайшую избу лежал закопченный чайник. Андрей подполз к нему и, размахнувшись, швырнул его через дом. Чайник упал на дорогу, покатился по накатанному грунту. Один из немцев, засевший в доме у дороги, дернулся от неожиданности, круто развернувшись, дал из автомата длинную очередь на звук и скрылся в проеме окна. Но Андрей успел засечь его. Он аккуратно приладил свой карабин, выцелил то окно, из которого стреляли, и стал ждать...

Андрей ждал. В прорези прицела он видел четкий квадрат окна. Наконец в нем появился немец. На темно-зеленую каску с рожками лег розовый блик заходящего солнца. Андрей совместил мушку с краями прицельной рамки прямо в центре этого блика, потом тихо выдохнул воздух и плавно повел к себе указательным

пальцем. Раздался выстрел. Немец медленно выпал через окно на улицу.

Андрей вскочил, пересек дорогу двумя прыжками, каждый из которых отдался острой болью в раненой ноге, и укрылся за закопченной печью. Мгновением позже три автомата ударили по тому месту, где он только что прятался.

Пули впились в обожженные бревна, в разные стороны полетела черная щепа.

Стреляли унтер и еще двое. Унтер знаком показал высокому толстому эсэсовцу, чтобы тот огородами обогнул дом, за которым, как ему казалось, прятался Андрей, и зашел с тыла. Эсэсовец, кивнув, пополз. Второй, худой, остался с унтером.

И опять наступила тишина.

Андрей отер вспотевшее лицо, осторожно выглянул из-за печки. Ползущий приник к земле и замер. Впереди его ждали метров десять чистого пространства между домами: дальше ползти было опасно.

Унтер сделал знак рукой худому эсэсовцу обойти дом с другой стороны. Одновременно толстый эсэсовец поднялся, рывком преодолел открытое пространство и скрылся за развалинами.

Андрей приготовился. Между развалинами, за которыми прятался немец, и следующими опять было открытое пространство.

...Адалат лежала на колокольне с винтовкой в руках. Время от времени она поспешно разворачивала ее в новом направлении, пытаясь по выстрелам определить местонахождение немцев. Потом, когда опять наступила тишина, она попыталась сделать это «на слух». Но снизу не доносилось ни звука. Адалат испугалась. Затянувшаяся тишина могла означать смерть Андрея.

Немец, собиравшийся уже перебежать к следующему дому, прижался к стене и судорожно оглянулся на церковь, откуда раздался вдруг женский крик.

— Андрей! — кричала Адалат. — Андрей!

Андрей тоже испуганно посмотрел на колокольню, но не ответил.

— Андрей! — снова закричала Адалат. — Ты жив?!

Андрей не мог ответить Адалат, хотя понимал, что она может высунуться с колокольни и попасть под пули.

Стоящий за домом немец, пытаясь увидеть, кто кричит, чуть выгнулся, но никого не увидел. Зато Андрею стали видны его спина и затылок.

— Андрей?! — закричала Адалат в третий раз. — Почему молчишь?! Ты жив?

В голосе ее было столько отчаяния и страха, что Андрей не выдержал.

Он резко поднялся из-за печки, навскидку выстрелил в высунувшегося из-за дома немца и, падая на землю, крикнул:

— Жив!

Несколько пуль впились в печную глину рядом с головой Андрея, другие просвистели выше. Андрей машинально прикрыл ладонью свое мягкое темя.

— В башку бы не попали, — пробормотал он.

Потом Андрей опять вскочил и, согнувшись, перебежал к длинному, полуразрушенному кирпичному зданию, бывшей колхозной конюшне. Немцы опять не успели его «подсечь».

Худой немец, видевший, как Андрей скрылся в конюшне, перебежал дорогу, быстро прополз вдоль ее стены под разбитыми окнами и остановился у дверного косяка. У дальней стены конюшни было темно. Немец помедлил, потом впрыгнул в дверной проем и дал длинную очередь.

Но Андрея в конюшне не было. Он появился в квадрате разбитого окна, с другой, наружной стороны дома и выстрелил. Немец упал. Тень дома разделила его туловище пополам.

...Адалат осторожно выглянула с колокольни. Солнце уже садилось — от домов и деревьев на землю легли лиловые тени. На обуглившихся стенах висели картины. Одна лежала на земле между двумя убитыми немцами, рядом с открытым ящиком. Было тихо. Вдруг Адалат увидела Андрея. Он вылез из окна конюшни, присел, огляделся, перескочил к соседнему дому и исчез за ним. В ту же секунду Адалат увидела немца. Он крался огородами, вдоль сожженных изб, по противоположной от Андрея стороне. Андрей его не видел, так как эсэсовец был скрыт от него домами, кустарником, уцелевшими кое-где плетнями. Адалат не знала, как предупредить Андрея. И он и немец двигались параллельно в одном направлении — к церкви. Все время получалось так, что открытые пространства они, сами того не подозревая, перебегали по очереди. Но все ближе были крайние избы, за которыми они неминуемо должны были встретиться. Адалат уложила винтовку на парапет и стала целиться. И Андрей и немец продолжали свой путь, останавливаясь, прислушиваясь. Немец первым перебежал к крайнему дому и прижался к стене. Адалат поймала его на мушку, от волнения у нее дрожали руки, мушка прыгала и никак не хотела успокоиться. Наконец замерла. Но, когда Адалат хотела нажать на спуск, между стволом винтовки и немцем возникла лошадь, которая сорвалась с привязи после первых же выстрелов.

Андрей тоже достиг крайней избы. Сквозь пустые квадраты окон он, наверное, увидел лошадь.

Адалат ждала. Когда лошадь опустила голову, Адалат выстрелила, но промахнулась. Лошадь поскакала прочь. Немец отпрыгнул в сторону и дал очередь по колокольне. Глухо зазвенел колокол.

Немец дал еще одну очередь. Андрей высунул из-за угла ствол винтовки и, не целясь, выстрелил. Немец спрятался. Этого Андрей и ждал. Быстро перебежал он дорогу к дому, за которым лежал эсэсовец. Осторожно выглянул из-за угла. Немец сидел на корточках спиной к нему. Андрей свистнул. Немец резко повернулся, но Андрей выстрелил первым.

— Ну вот, — вздохнул он облегченно, — теперь только один остался... — Он вытер пот с лица и посмотрел на колокольню. Адалат видно не было. Он позвал ее и улыбнулся, когда она выглянула из-за парапета.

— Один остался, — повторил он, улыбаясь.

И тут они оба услышали странный звук, будто тихонько хлопал, развеваясь по ветру, край простыни. Хлопанье сопровождалось сухим потрескиванием. Андрей оглянулся.

Горела стена, на которой висели картины. Пламя стремительно продвигалось, и белые языки его уже лизали раму крайней картины. Налетавший изредка ветерок стелил огонь по стене, сбивал его, отчего через мгновение он вспыхивал с новой силой.

Андрей бросился к картинам.

...Единственный оставшийся в живых немец — унтер — полз огородами к кустарнику, за которым лежало хлебное поле. Добравшись до поля, унтер оглянулся.

Андрей горстями швырял на горящую стену землю. Пламя только прыгало, но не гасло. Андрей начал срывать картины...

Унтер стянул с плеча автомат, не целясь, дал очередь.

— Мамочка! — охнул Андрей и подался всем корпусом вперед, будто пули толкнули его. Он стоял, упершись головой в стену, и из последних сил пытался снять картину. Но жизнь уже покидала его. Последнее, что мелькало перед глазами Андрея, не было связано ни с немцами, ни с войной и даже не с Адалат.

Он увидел себя четырнадцатилетним мальчиком в первый год их переезда в Баку из Саратова. Он увидел, что осенним утром сидит на краешке тротуара, в том месте, где солнце появлялось на их улице раньше всего. На улице никого, только дворничиха Чимназ ходит с метлой по мостовой и делает вид, что подметает. Он сидел, поджав коленки к подбородку и крепко обхватив их руками — так теплей. А рядышком сидел его друг Руфат. Он тоже старался поджать коленки к подбородку, но у него это не получалось, потому что Руфат был толстым.

Андрею нравилось дружить с Руфатом. Он был добрым, много знал и очень любил Андрея. И поэтому им приятно было греться рядом на солнышке.

Потом Андрей увидел, как идет с Руфатом, его мамой и сестрой по улице. Они идут в балетную школу. Мать Руфата разрешила, чтобы Андрей тоже пошел с ними. Она хорошо относилась к Андрею, но старалась не оставлять одного со своими детьми, говорила, что у Андрея хорошие задатки, но улица испортила его.

В балетной школе, за мягкой, обитой черным дерматином дверью, играло пианино и слышны были голоса. Какая-то женщина повторяла: «Раз, два, три», «Раз, два, три», «Раз, два, три»...

Андрей подошел к ней поближе, но черная дверь открылась, и вместе с матерью Руфата из нее вышел высокий мужчина в спортивном костюме.

— Вот они, — сказала мать Руфата и показала мужчине на своих детей.

— А это кто? — мужчина посмотрел на Андрея.

— Это соседский мальчик, — мать Руфата улыбнулась Андрею. — Он проводил нас.

— Понятно, — сказал мужчина, продолжая разглядывать Андрея. — Давайте пройдем в зал.

Он открыл дверь, за которой играло пианино, и все вошли, кроме Андрея.

— Ты тоже иди, — позвал его мужчина.

За дверью Андрей увидел большой зал с высоким потолком. В углу стояли два рояля. За одним из них сидела женщина в очках. Еще Андрей увидел много девочек в белых коротких юбках, золотистых тапочках и мальчиков в черных брюках, которые обтягивали их ноги, как женские чулки. Все они изгибались, подпрыгивали, поднимали ноги выше головы.

— Раздевайтесь, — сказал мужчина в спортивном костюме и подошел к женщине, сидящей за роялем.

Мать Руфата помогла раздеться сыну и дочери. Андрей взял их одежду. Мужчина, поговорив с женщиной в очках, вернулся к ним. Заиграл рояль.

— Разденься ты тоже, — сказал мужчина Андрею и начал внимательно осматривать Руфата и его сестру, которые стояли перед ним в трусиках и майках.

— Нагнитесь вот так, — сказал он им и согнулся в пояснице. — Достаньте рукой до земли... Поднимите ногу... Подпрыгните...

Когда Руфат и его сестра проделали все, что им было сказано, мужчина покачал головой и повернулся к их матери.

— Должен вас огорчить, — сказал он. — Боюсь, что это не имеет смысла.

— А если они похудеют?

— Дело не только в весе, — сказал мужчина. —

Есть и другие причины... А вот он мне нравится, — мужчина посмотрел на Андрея. — Ты что же не раздеваешься? — удивился он.

Андрей не мог раздеться, потому что руки его были заняты одеждой Руфата и его сестры.

— Очень жаль, — сказала мать Руфата, — я так рассчитывала.

Дети стали одеваться. Андрей подавал им по одной вещи и смотрел, как четыре девочки взялись за руки и начали танцевать. Руфат сказал ему, что музыка, под которую они танцуют, из балета про заколдованных лебедей. И Андрей подумал, что четыре маленькие девочки сейчас очень похожи на них.

— Ты почему не раздеваешься? — еще раз спросил у Андрея мужчина. — Я же жду!

Андрей молчал. Руки его уже были свободны, и он мог начать раздеваться.

— Ты не слышишь, что ли? — спросил мужчина.

— Слышу, — сказал Андрей.

— Так в чем же дело? Раздевайся!

Андрей не шевелился. Тогда мужчина одной рукой взял Андрея за подбородок, а другой попытался расстегнуть воротник его рубашки.

Андрей попятился назад.

— Странный мальчик, — сказал мужчина. — Что тебе трудно раздеться, что ли?

Но Андрей так и не разделся. Всю дорогу домой он молчал. Руфату тоже не объяснил причину своего странного поведения. И вообще Андрей никогда никому не рассказывал об этом случае. Не мог же он признаться в том, что у него под штанами в то утро не было трусов. Старые трусы порвались, мать обещала купить новые, но или забывала, или денег у нее не было.

Потом Андрей отчетливо увидел лицо матери, он увидел ее такой, какой она была тем летом в Баку. И на этом все кончилось...

— Андрей! — крикнула Адалат. Она стояла на колокольне во весь рост и видела, как он упал, так и не выпустив из рук картину.

Метрах в семидесяти от деревни, в поле мелькала спина убегающего к лесу унтера.

— Стой! — закричала Адалат. Руки ее тряслись, слезы мешали целиться.

Эсэсовец бежал ровно, спокойно, не суетясь.

Адалат положила винтовку на парапет, соединила мушку с прорезью рамки и поймала в эту рамку прыгающую голову бегущего немца. «У меня винтовка под обрез пристреляна», — вспомнила она слова Андрея, и вместо прыгающей головы в рамке появились плечи. Адалат задержала дыхание и опустила курок. Грохнул выстрел. Унтер дернулся и исчез в высокой, выжженной траве.

В поле неистовствовали кузнечики, наполняя воздух стрекотом. Солнце опускалось за горизонт. День угасал.

Накрытый шинелью Андрей лежал под стеной, на которой висели спасенные им картины. Адалат сидела рядом. Она смотрела прямо перед собой, и лицо ее казалось спокойным, сосредоточенным. Потом она поднялась и стала снимать со стены картины и аккуратно укладывать их в ящик.

Когда все картины были уложены, Адалат закрыла крышку ящика, подняла валяющийся на земле камень и заколотила им гвозди, торчащие из крышки ящика. Затем, бросив камень, она опять села рядом с Андреем.

Налетавший временами теплый ветер клонил к земле дымки догорающих изб. Издалека доносились слабые артиллерийские залпы, похожие на раскаты ушедшей грозы. На колокольне кричали перед сном галки.

И вдруг к этим звукам прибавился тарахтящий звук автомобильного мотора.

Адалат встала. Прислушалась. Поднялась на колокольню.

Далеко, вдоль леса ехал грузовик. Адалат взялась обеими руками за толстый канат, тянущийся от колокольного языка.

Машина уходила все дальше и дальше. Адалат долго раскачивала тяжелый язык, и наконец над полем, лесом, сожженной деревней повис густой, протяжный звон. Удары колокола ползли в вечерней тишине, догоняя, захлестывая друг друга, сливаясь в единый скорбный звук, который, наполняя собою пространство, возвещал о человеческом горе. И уже не Адалат раскачивала язык колокола, а он таскал ее за собой по маленькому квадрату колокольной площадки.

Грузовик притормозил, дал задний ход, развернулся и прямо через поле покатил к деревне. Он ехал без дороги, подминая колосья, и две колеи тянулись за ним, как следы от полозьев. А колокол все звонил и звонил, тревожа засыпающую природу...

ОБ АВТОРЕ

Рустам Ибрагимбеков родился в 1939 году в городе Баку. По специальности он инженер-электромеханик; имеет несколько научных трудов по теории систем автомобильного управления. В литературу пришел в 1962 году, опубликовав в республиканской комсомольской газете «Молодежь Азербайджана» рассказ «Хлеб без варенья». С тех пор стал печататься систематически.

В 1967 году закончил Высшие сценарные курсы в Москве. По сценариям Рустама Ибрагимбекова сняты художественные фильмы «В этом южном городе», «Белое солнце пустыни» (в соавторстве с В. Ежовым), «Повесть о чекисте», «И тогда я сказал — нет!» (по повести «Забытый август») и другие фильмы.

Пьесы Рустама Ибрагимбекова «Женщина за зеленой дверью», «Похожий на льва», «Своей дорогой» и другие идут во многих театрах страны.

В 1970—1972 годах в издательстве «Гянджлик» (г. Баку) вышел сборник рассказов Р. Ибрагимбекова «В командировке и дома» и сборник повестей и рассказов «В этом южном городе» в издательстве «Советский писатель» (Москва).

СОДЕРЖАНИЕ

Ибрагимбеков Р.

И15 Забытый август. Повести. Художник Ю. Ребров. М., «Молодая гвардия», 1974.

128 с. с ил. 100 000 экз.

Герои повести «Забытый август» четырнадцати-пятнадцатилетние мальчишки, выросшие на одном дворе, с которыми приключилась беда. Хорошие, умные, добрые ребята из чувства ложного стыда становятся жертвами опытного уголовника.

Друзей выручает из беды их сверстник — сын полка, много переживший и многому научившийся в дни суровых военных лет.

Вторая повесть, «Спокойный день», перекликается с первой нравственными проблемами, которые стоят перед ее героями, а также временем действия.

И $\frac{70803-036}{078(02)-74}$ 149—74 С(Аз)2

Ибрагимбеков Рустам Мамед Ибрагимович
ЗАБЫТЫЙ АВГУСТ. Повести

Редактор **Л. Хотиловская**
Художественный редактор **В. Плешко**
Технический редактор **И. Соленов**
Корректоры **К. Пипикова, А. Долидзе**

Сдано в набор 4/X 1973 г. Подписано к печати 7/II 1974 г. А07626. Формат 70×108$^{1}/_{32}$. Бумага № 3. Печ. л. 4 (усл. 5,6). Уч.-изд. л. 5,5. Тираж 100 000 экз. Цена 17 коп. Т. П. 1974 г., № 149. Заказ 1743. Типография издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

17 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ